

ЯНВАРЬ
20
ПЯТНИЦА
1939 год
№ 4 (783)
Цена 30 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова,
В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

ОРГАН
ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА
СОВЕТСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ
СССР

По ленинскому пути

В глубокой печали трудящиеся всего мира прощались с прахом Ленина. Осиротели народы. Не стало их друга, вдохновителя, вождя. В те скорбные минуты плакали большевики, и по всему миру звучали страшные слова — Ленин умер, нет больше Ленина.

Враги радовались, они рассчитывали на наше поражение. В безмерной тяжести нашей потери искали они свое спасение.

И тогда верный соратник Ленина — товарищ Сталин произнес от имени коммунистической партии торжественную клятву — вести народы по ленинскому пути.

Нелегко был этот путь. В 1924 году еще существовало противоречие между социалистической промышленностью и частнособственнической деревней. В те годы Ленин мог только мечтать о ста тысячах тракторов, о том, что мужик переседет с лошади на стальной конь социализма. В те годы частный сектор в промышленности занимал немалое место.

Вопрос — кто кого — не был еще решен, да и не мог быть решен без социалистического преобразования техники и экономики.

Капиталистическое окружение при помощи эксплуататорских классов внутри страны пыталось взорвать штаб мировой революции — нашу партию. План врагов был коварен и похител. При помощи троцкистов они пытались разложить партию изнутри, и нужно сказать, что вреда было нанесено не мало. Партию лихорадило от дискуссий, от антипартийной групповой борьбы.

Над могилкой Ленина дал Сталин великую клятву — бороться за большевистские традиции, за высокое звание члена партии.

«Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам держать высоко и хранить в чистоте великое звание члена партии. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним эту твою заповедь!»
Прошло 15 лет.

Социализм победил в нашей стране, победил политически, экономически и идейно.

Высокое звание члена партии обязывает к самоотверженной работе, к благородным делам. Во всем мире коммунист — это звучит гордо!

Даже в самых далеких уголках нашей родины большевистские идеалы стали этической нормой, образцом человеческого поведения.

Побудьте на рабочем собрании, на заседании правления колхозов, прислушайтесь к речам людей из народа. Когда они хотят похвалить своего избранныка, тогда они неизменно скажут: «О, это настоящий большевик, это верный человек!»

С каким негодованием, с каким презрением говорят у нас в народе о людях, ведущих себя не по-большевистски.

25 лет в жестоких боях пестовали Ленин и Сталин коммунистическую партию.

«Мы, коммунисты, — люди особого склада. Мы строены из особого материала, — говорил товарищ Сталин. — Мы те, которые составляем армию великого пролетарского стратега, армию товарища Ленина. Нет ничего выше, как честь принадлежать к этой армии. Нет ничего выше, как звание члена партии, основателем и руководителем которой является товарищ Ленин. Не всякому дано быть членом такой партии. Не всякому дано выдержать невзгоды и бури, связанные с членством в такой партии».

Держать высоко и хранить в чистоте великое звание члена ленинской партии — это в первую очередь означало вооружить большевиков марксистско-ленинской теорией.

Всю свою жизнь боролся Ленин против ревизионистов и против фальсификаторов марксизма. Ленин творчески обогатил марксизм, ибо он — гордый орел революции — творил теорию из опыта народного творчества революционных классов.

Эти 15 лет мы шли по ленинскому пути, вооруженные вечно живой, вечно обогащающейся теорией Ленина — Сталина. Мы побеждали, побеждаем и будем побеждать, потому что наша партия, товарищ Сталин обогащают теорию на основе народного творчества революционных классов, потому что партия стоит на почве творческого марксизма, как об этом говорил товарищ Сталин еще на VI съезде партии.

В «Основах ленинизма» товарищ Сталин указывает, что метод Ленина является восстановлением, конкретизацией и дальнейшим развитием «скрытого» и революционного метода Маркса.

Ревизионисты всех толков после смерти Ленина пытались фальсифицировать ленинизм, выхолостить его живое революционное содержание.

Теперь нам ясно, что все «теории» Бухарина, Троцкого, Зиновьева и прочих предателей были провокационной попыткой теоретического разоружения пролетарской революции.

Метод товарища Сталина является замечательной конкретизацией и дальнейшим развитием критического и революционного метода Ленина. Эти 15 лет партия неустанно учила своих членов овладению духом ленинизма, неустанно учила творческому подходу к явлениям современной жизни, умению заменять устаревшие положения новыми, соответствующими новым требованиям революции. Вот почему мы не сбивались с дороги, вот почему мы твердо шли по намеченному Лениным пути.

Сталинская Конституция — классический образец движения вперед революционной теории, классический образец творческого обогащения ленинизма.

Вот уже 15 лет после смерти Ленина пестует партию наш Сталин, и она стоит, как утес, отражая бесчисленные удары врагов. Клятва Сталина выполнена. Нерушимое морально-политическое единство народов, нерушимое святое единство нашей партии.

«Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам хранить единство нашей партии, как зеницу ока. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним и эту твою заповедь!»

Враги пытались разложить партию изнутри. Фашизм засылал и засылает к нам провокаторов, предателей и изменников из троцкистско-бухаринской банды. Они направляли и направляют к нам засаскированных врагов. Провокация стала методом подрывной вредительской работы. По всей стране идет борьба против агентов капитализма.

За эти 15 лет партия и весь советский народ прошли сложнейшую школу политической борьбы в условиях капиталистического окружения. Ни разу мы не дрогнули, ни разу не сбившись с пути. Нас вел вперед великий Сталин, и клятва его звучала в сердце каждого советского гражданина, как призыв к новой борьбе. И мы, советские люди, шли, взявшись за руки, тесным сомкнутым строем. Мы шли, вооруженные опытом борьбы большевистской партии, шли под руководством гениального продолжателя дела гениального из гениальнейших вождей пролетарской революции.

«Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам хранить и укреплять диктатуру пролетариата. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы не пощадим своих сил для того, чтобы выполнить с честью и эту твою заповедь!»

Известно, что Ленин обогатил марксистскую теорию диктатуры пролетариата учением о советах как государственной форме диктатуры пролетариата, создал учение о диктатуре пролетариата как высшей форме демократии в классовом обществе.

Ленин обосновал возможность построения социализма в одной стране, указав конкретные пути этого построения в условиях капиталистического окружения.

Товарищу Сталину принадлежит учение о социалистическом государстве в условиях капиталистического окружения, о формах перехода от социализма к коммунизму, учение о возможности построения коммунизма в одной стране.

Это, имеющее международное значение учение вооружает нас в борьбе за коммунизм, дает перспективу дальнейшего развития общества.

Товарищ Сталин обогатил ленинское учение о роли личности в истории.

По всем работам товарища Сталина красной нитью проходит учение о бессмертии народа и о роли революционной личности как выразителя народных интересов.

Товарищ Сталин учит людей делать историю не так, как им подсказывает фантазия, но так, как этого требуют интересы общества, интересы народа.

Весь опыт исторической борьбы подтвердил гениальное утверждение товарища Сталина, что... — социалистическое общество представляет единственно прочную гарантию охраны интересов личности».

Товарищ Сталин ведет неустанную борьбу против фальсификаторов ленинизма во всех областях науки.

Замечания товарища Сталина, Кирова, Жданова по истории, критика «школы Потроцкого» открывают величайшие перспективы в развитии всех гуманитарных наук.

Следуя великим ленинским традициям, товарищ Сталин неустанно борется против схоластики, против догматического, питанического понимания ленинизма.

«Краткий курс истории ВКП(б)» вооружает трудящихся всего мира революционным, творческим пониманием ленинизма, вооружает опытом борьбы большевистской партии.

ЦК ВКП(б) призывает советскую интеллигенцию покончить с боязливой смелой постановкой теоретических вопросов, двигающих марксистско-ленинскую теорию вперед, покончить с буквализмом, начертательством, схоластикой, вульгаризацией и оплошанием отдельных положений марксистско-ленинской теории.

За эти 15 лет наша партия вышествовала советскую интеллигенцию, интеллигенцию из народа.

Впервые в истории человечества интеллигенция играет такую огромную роль в государстве, в дальнейшем развитии страны.

Интеллигентный труд — это прежде всего творческий труд, и ему глубоко враждебны схоластика, догматизм, уход от жизни. ЦК ВКП(б) отметил, что... задача марксистско-ленинского воспитания советской интеллигенции является одной из самых первоочередных и важнейших задач партии большевиков.

Речь идет не только об усвоении знаний, но и об овладении творческим духом ленинизма, овладением искусством называть историю, ленинским искусством — побеждать.

«Краткий курс истории ВКП(б)» является важнейшим средством большевистского воспитания советской интеллигенции.

На нашем пути еще немало встретится препятствий. Каждый месяц, каждый день нашему народу приходится решать задачи всемирно-исторического значения. Еще немало суровых боев впереди. Клянемся же, товарищи, хранить клятву Сталина в сердце каждого из нас. С нею мы идем по ленинскому пути. С нею мы побеждали, побеждаем и будем побеждать.

*Помните, любите, изучайте
Ильича, нашего учителя, нашего вождя
Боритесь и побеждайте врагов,
внутренних и внешних, — по
Ильичу.*

*Стройте повсюду школы, повсюду
бюки, повсюду клубы — по Ильичу
Никогда не отказывайтесь от
малого в работе, ибо из малого стро-
ится великое, — в этом один из
важнейших заветов Ильича.*

И. Сталин

В. И. Ленин

О журнале «Современник» (ДВА ПЛАНА СТАТЬИ)

[Май 1914. Краков.]

I
Либерал Богучарский — беспартийный журнал левый (очень левый, очень бойкий, очень рабочий-любимый демократ Мартов).

Социалдемократ салонный в радикально-буржуазном салоне.

«Фракционность» в)) Народники за «единство»: Неприличная болташка ликвидаторов и народников тофия Суханова.

И демонстрация... витрина, выставка имен: Плеханов рядом с Потресовым («Северная Рабочая Газета № 66»)???

Бонч-Бруевич — одиноко (правдист?), грустно и («Сборы поровну» нехстати.

Ликвидаторы — «все звезды»
Левонародники — idem.... («Все течения»
[[«Социализация трудовой группы»]]

«Левый блок» нового типа. Нет, это не левый блок, не блок социалдемократии и буржуазной демократии, а начало слияния двух нюансов буржуазной демократии, ликвидаторов и народников. Интеллигентский журнал, без всяких связей с массами (à la Русское Богатство).....

Классовое значение в общем строе русской жизни? Яснее. Либерально-буржуазная демократия

(трудовики; народные социалисты; ликвидаторы; лево-народники) — пролетарская демократия..... «Единство»? (Сломанная палка).....

II
1. Журнал Современник — одно из явлений, свидетельствующих о «новых веяниях».

2. Начало и продолжение. От Богучарского + Кускова + Прокопович (беспартийный журнал) к блоку с. р. + ликвидаторы (при одноклапке) { Бонч-Бруевич, Стеклов } разных направлений). Особое положение Плеханова { Новоторжский о нем, № 5, 81; Стрельцов, № 6, 85; Суханов, } в № 6, с. 59.

3. Богучарский (оставшийся). Его болтовня à la кадеты.

4. После поворота: Суханов. Болтовня о народниках и марксистах.

5. В гостях у народников (Л. Мартов).

6. Зачатки..... (блок ликвидаторов с народниками в петербургском рабочем движении)

7. Болтовня о фракционности в страхового кампаниях и в рабочих организациях

8. Отношение партии (contra кружки). Оценка нового.

(«На почве марксизма») (всякий вздор)
{ Струве
Экономизм
Кускова, Прокопович etc.
Народники }

1 Журнал «Современник» возник в 1911 г. Первоначально в нем задавали тон либерал Богучарский, бульварный журналист Амфитеатров и кадетствующие Прокопович и Кускова, когда-то причислявшие себя к социал-демократам. В 1914 г. редактором журнала стал народник Суханов, проповедовавший слияние народничества с марксизмом. На страницах «Современника» в борьбе против большевиков-правдистов объединились «лево-народники» (эсеры с Черновым во главе), меньшевики (Мартов, Троцкий), махисты (Базаров, Луначарский), Плеханов. Вся эта пестрая компания должна была демонстрировать единство «социалистов» разных направлений против «фракционности», т. е. идейно-политической непримиримости и организационной самостоятельности большевистской партии. Реакую критику позиции «Современника» Ленин дал в ряде статей за 1914 г. (Сочинения, том XVII, стр. 367, 407, 528, 561), особенно в статье «Приемы буржуазной интеллигенции против рабочих» (Сочинения, том XVII, стр. 482).

В печатаемых здесь двух планах статьи особенно важно отметить тот, подчеркнутый Лениным, факт, что журнал «Современник» представлял собой «блок», «начало слияния ДВУХ НЮАНСОВ БУРЖУАЗНОЙ ДЕМОКРАТИИ, ликвидаторов и народников». Меншевики (включая троцкистов) и эсеры заключили уже в 1914 г. союз для борьбы против большевистской партии. Несмотря на то, что меньшевики формально считали себя сторонниками марксизма, а эсеры — противниками его, и те и другие нашли друг друга, нашли общий язык, соединились для яростной борьбы против большевиков. В 1917 г. этот блок меньшевиков и эсеров стал еще более тесным; и тех и других объединила звериная ненависть к рабочему классу и большевикам. Печатаемый документ взят из материалов, впервые публикующихся в выходящем на днях журнале «Пролетарская революция» № 1 за 1939 г.

Рабочие и крестьяне всего мира хотят сохранить Республику Советов, как стрелу, пущенную верной рукой товарища Ленина в стан врагов, как опору своих надежд на избавление от гнета и эксплуатации, как верный маяк, указывающий им путь освобождения. **СТАЛИН.**

И. ТРАЙНИН

МАРКСИЗМ-ЛЕНИНИЗМ О ГОСУДАРСТВЕ

Марксизм-ленинизм учит, что победоносная пролетарская революция ломает старую государственную машину, устанавливает диктатуру пролетариата для переустройства общества на социалистических началах.

Марксистско-ленинское учение о государстве противопоставлено учению анархистов, утверждающих, что все зло не столько в капитализме, сколько в государстве, которое подлежит отмене. При этом анархисты очень неясно представляют себе, чем собственно заменить государство. Главную роль в анархистской теории играет «свободная личность», которая должна свободно установить свои отношения к обществу. Анархисты выдвигают также нереальные и ничего не говорящие формулы, как «свободное объединение на основе взаимных договоров», — договоров, построенных на свободной федерации между личностями, общинами. Такова схема анархистского «освобождения личности» без всякого государственного принуждения и без уничтожения классов.

Анархистская «теория» была проверена на опыте. Ее полная несостоятельность была доказана во время Парижской Коммуны 1871 г. Энгельс писал, что «единственное социальное мероприятие, проведенное дружинниками, — это отъезд от конфекционной Французской банк, что и было одной из причин гибели Коммуны» (К. Маркс и Ф. Энгельс, т. XV, стр. 59).

Анархистская «теория» потерпела крах и во время испанской революции 1873 г. Анархисты («бакунисты») были причиной того, что первая испанская республика была ликвидирована и вместо нее была вновь реставрирована власть испанских Бурбонов. Энгельс по этому поводу писал, что «бакунисты в Испании дали нам непревзойденный пример того, как не следует делать революцию» (К. Маркс и Ф. Энгельс, т. XV, стр. 124).

Анархизм отразил собою отсталость и неразвитость общественных отношений в тех странах, где он развивался. Социальную базу анархизма составляли главным образом крестьянская беднота, сельско-хозяйственный пролетариат, ремесленники, отсталые слои городского пролетариата, находившиеся еще под влиянием «крестьянских стихий», и мелкобуржуазная интеллигенция, являвшаяся идеологом «свободной личности». Все эти слои, эксплуатируемые капитализмом, при отсутствии подлинно революционной партии легко поддавались агитации за «свободные личности», организованные в «свободные коммуны», которые сами, без помощи государства, могли якобы овладеть средствами производства. Это было бунт против крупного капитала разорвавшихся и обнищавших мелких собственников, трудно поддававшихся организации, отрывающих всякую власть как меру принуждения, в том числе и рабочую власть, т. е. диктатуру пролетариата.

Теперь, с высоты исторического опыта, следует иначе посмотреть и на анархистские выступления врага народа Бухарина, который «доказывал» принципиальную вредность пролетариата во всяком государстве. Бухарин еще до победы социалистической революции проповедывал анархистский «варвар» государства, подражаемая этим варвар именно пролетарского государства.

Анархизм, — утверждал Ленин, — порождение отчаяния. Психологией выбитого из колеи интеллигента или босака, а не пролетария.

Крах анархизма особенно ярко проявился и в современной борьбе, которую испанский народ ведет против фашистских интервентов и их ставленников — Франко. В момент острой борьбы с фашизмом отдельные вожди анархизма во имя этой «свободы личности» и анархистской «автономии» пропагандировали раздробленность и распыленность сил народа, что было на руку фашистам и использовано их троцкистской агентурой. Так, например, задачи победы над фашизмом диктуют необходимость единого централизованного командования. Тем не менее отдельные анархистские руководители, подталкиваемые троцкистами, отстаивали «автономность» фронтов, армейских частей, партизанских отрядов и т. д. Интересы борьбы требуют общегосударственной дисциплины. Но вследствие противодействия отдельных анархистских групп, поддерживаемых троцкистскими провокаторами, это мероприятие не могло быть быстро осуществлено. Нужно было, чтобы сами массы, шедшие за анархо-синдикалистами, принудили своих руководителей подчиниться требованию народного фронта о государственной централизации мер по обороне. Крах анархистской «теории» подчеркивает еще и то, что под названием масс представляют анархо-синдикалисты участвуют в государственном аппарате. Сама жизнь таким образом подтвердила вредность анархистских безгосударственных «теорий». В острые моменты классовой борьбы эти «теории» прикрывали предательство интересов рабочего класса.

«...если в России, — писал Ленин, — несмотря на более мелкобуржуазный состав ее населения по сравнению с европейскими странами, анархизм пользовался в период обеих революций (1905 и 1917) и во время подготовки к ним сравнительно ничтожным влиянием, то это, несомненно, следует поставить отчасти в заслугу большевизму, который вел самую беспощадную и непримиримую борьбу против оппортунизма». (Ленин, т. XXV).

Учение марксизма-ленинизма о государстве развивалось также в ожесточенной борьбе против реформистского оппортунизма. Оппортунизм ласкался, против которого в свое время выступали Маркс и Энгельс, на новом историческом этапе вооружился в лице ревизионизма, отравив-

шего учение Маркса о классовой борьбе и о диктатуре пролетариата.

В противовес марксистскому учению о завоевании власти пролетариатом реформисты выдвигали парламентаризм, мирную борьбу за «реформы» путем сотрудничества с буржуазией.

Ленин яростно выступал против реформистского и оппортунистского учения во всех его видах. Он восстановил учение марксизма о диктатуре пролетариата и развил его дальше, применительно к новым условиям классовой борьбы эпохи империализма и пролетарской революции. «Коренной вопрос всякой революции, — писал Ленин, — есть вопрос о власти в государстве» (т. XX, стр. 94).

Ленин критически обобщил опыт Парижской Коммуны, представлявший собою диктатуру пролетариата, но «не полную и не прочную». Ленин обобщил опыт российской революции 1905 года и опыт международного рабочего революционного движения. Он открыл государственную форму диктатуры пролетариата в лице советов, представляющих собою высший тип демократии, новый тип государства — способ управления государством без буржуазии и против буржуазии. Триаумф теории марксизма-ленинизма по вопросу о государстве являлся Великой Октябрьской социалистической революцией, в результате которой трудящиеся, утвердив Советы, стали хозяевами своей страны и своей судьбы.

В свете этого грандиозного по своему историческому значению опыта, приведенного к победе социализма в нашей стране, особенно рельефно сказывается крах реформизма. Когда классовые противоречия достигли наивысшего напряжения, когда массы через голову реформистских вождей (Германия, Италия) активно выступили со своими классовыми требованиями, буржуазия отказалась от услуг реформаторов, отменила демократические привилегии и прибегла к кровавому фашизму, к открытому террору против рабочего класса.

Советы воюли миллионы массы в управление государством. Они показали всему международному пролетариату пример решения вопроса о структуре власти при диктатуре рабочего класса.

Задача советского государства в переходную эпоху от капитализма к коммунизму является:

1. Оборона социалистических завоеваний рабочего класса. На протяжении всего существования советской власти трудящиеся нашей страны при помощи своего государства отбивали атаки международных империалистов. Государство подавляло сопротивление остатков разбитых классов, заговоров, измены и предательства, организуемые и поддерживаемые капиталистическим окружением.

2. Социалистическое государство руководит строительством социализма. Опыт этого строительства подтвердил положение Ленина о том, что «... социализм не может победить одновременно во всех странах. Он победит первоначально в одной или нескольких странах, а остальные в течение некоторого времени останутся буржуазными или добуржуазными» (Ленин, т. XIX, стр. 325). Сталин в борьбе против троцкистов и бухаринцев развил ленинское учение о победе социализма в одной стране в условиях капиталистического окружения. Сталин показал, каким путем должна быть закреплена и дальше развита победа социализма и какие задачи должны решать рабочий класс при переходе от социализма к коммунизму. Триаумф этого учения подтвержден безраздельным и бесповоротным господством социализма в нашей стране, расцветом социалистической экономики, результатом чего и явилось изменение классовой структуры нашей страны.

3. Социалистическое государство, уничтожив капиталистические классы, ведет к стиранию граней между двумя классами СССР — рабочим классом и крестьянством, которые сейчас, как это показал товарищ Сталин на Чрезвычайном VIII съезде советов, являются новыми классами, каких не знала история. Выросла новая интеллигенция из представителей рабочих и крестьян — интеллигенция, тесно связанная с советским народом и с его устремлениями. Социалистическое государство ведет громадную работу по перевоспитанию людей, создавая для этого экономические и культурные предпосылки. Социалистическое государство открыло небывалые возможности для развития науки, для приближения к тайнам природы, для тесного союза науки и труда. Только социалистическое государство ведет к уничтожению противоборужности между городом и деревней, между умственным и физическим трудом. Только оно ликвидировало противоречия между государством и обществом, между государством, обществом и личностью. Трудящиеся сознают, что их социалистический труд поднимает достоинство человека, материальное и культурное положение каждого в отдельности и всего советского народа в целом. «... социалистическое общество представляет единственно прочную гарантию охраны интересов личности. В этом смысле непримиримого контраста между «индивидуализмом» и социализмом нет». (И. Сталин, Вопросы ленинизма, Изд. 10-е, стр. 602).

4. Социалистическое государство — братское и добровольное содружество равноправных народов. Оно в корне уничтожило былую вражду народов. Оно подняло достоинство прежде забытых и приниженных народов, открыл перед ними возможность нагнать передовые народы. Тесное, неразрывное содружество народов СССР опирается на общенародное социалистическое достоинство всех огромных богатств нашей страны, на совместный социалистический труд, на непримиримую решимость трудящихся всех народов СССР защищать свои завоевания от нападения со стороны капиталистических держав.

«...мы имеем теперь вполне сложивше-

ся и выдержавшее все испытания многонациональное социалистическое государство, прочности которого могло бы позавидовать любое национальное государство в любой части света». (И. Сталин, Доклад о проекте Конституции СССР).

5. Социалистическое государство ведет строгий учет меры труда и потребления. Оно осуществляет принцип социализма, записанный в ст. 12 Сталинской Конституции: «от каждого по его способности, каждому — по его труду». Это необходимо, чтобы в социалистическом обществе, в высшей фазе коммунизма, когда общество сможет перейти к принципу «от каждого по его способности, каждому по его потребностям». В этих целях социалистическое государство внедряет сознательное отношение к труду, способствует совершенствованию труда, увеличению его производительности, выражением чего является могучее стахановское движение.

В социалистическом государстве трудовой человек чувствует себя «свободным гражданином своей страны, своего рода общественным деятелем. И если он работает хорошо и дает обществу то, что может дать, — он герой труда, он овеян славою» (Сталин).

Для рабочего класса государство не есть цель, а средство, посредством которого оно осуществляет постепенное уничтожение классов и обеспечивает победу коммунизма. Марксизм-ленинизм учит, что государство отомрет на высшей фазе коммунизма, когда «...люди постепенно привыкнут к абсолютному элементарному, весьма известным, тысячелетиями повторявшимся во всех прошлых правых обществах, к абсолютной их без насилию, без принуждения, без подчинения, без особого аппарата для принуждения, который называется государством» (Ленин т. XXI).

Ленин еще летом 1917 г. подчеркивал, что оставаясь «совершенно открытым вопросом о сроках или о конкретных формах отмирания, ибо материал для решения таких вопросов нет» (Ленин, т. XXI).

Материалы дала сама жизнь, показавшая, в какой упорной и ожесточенной классовой борьбе осуществляются победы социализма.

Сталин, развивая дальше учение марксизма-ленинизма, обосновал возможность построения коммунистического общества и в условиях капиталистического окружения. Мы уже сейчас завершаем дело построения социалистического общества. Дальнейший рост техники и социалистических производительных сил, рост производительных и культурных навыков, рост социалистической дисциплины и производительности труда приведет к еще большему расширению социалистического хозяйства, к достижению изобилия по целому ряду продуктов. Это позволит перейти в отдельных областях (питания и культуры в первую очередь) от принципов социализма к принципам коммунизма, т. е. к удовлетворению каждого по потребностям. Но нам нужно государство, способное отразить козни врагов коммунизма и засылаемых им агентов.

Чем крепче будет советское государство, тем более обеспечено наше победоносное продвижение вперед к коммунизму, тем все более активно, следуя примеру трудящихся нашей страны, будет разрабатываться революционная борьба пролетариата капиталистических стран.

«Мы, — говорит товарищ Сталин, — за отмирание государства. И мы вместе с тем стоим за усиление диктатуры пролетариата, представляющей самую мощную и самую могучую власть во всех существующих до сих пор государственных властях. Высшее развитие государственной власти в целях подготовки условий для отмирания государственной власти — вот марксистская формула. Это «противоречиво»? Да, «противоречиво». Но противоречие это жизненное, и оно целиком отражает марксову диалектику».

Не случайно из рядов троцкистов-бухаринцев в целях ослабления диктатуры рабочего класса были пущены «теоретик» о том, что советское государство «отмирает» с первых же дней Октябрьской социалистической революции.

Ленин еще до победы социалистической революции предостерегал от оппортунистических извращений марксистского тезиса об отмирании государства. Он указывал, что оппортунисты илею о насильственном отмирании и тезис об отмирании государства связывают путем эвфемизма, «при чем в девятно десяти случаях из ста, если не чаще, выдвигается на первый план именно «отмирание» (Ленин, т. XXI, стр. 382).

События показали, что «теоретик» троцкистов-бухаринцев «интеллоидов» об «отмирании» государства был частью его позорной работы, направленной на реставрацию капитализма.

«Со временем, — говорил тов. Молотов, — когда социализм победит во всех передовых капиталистических странах, государство с его армией и прочим специальным аппаратом отомрет, станет ненужным. Но в условиях капиталистического окружения дело идет не об отмирании социалистического государства, а о его способности победоносно отражать удары классового врага, и особенно со стороны неработящего еще классового врага вне пределов СССР. В современных условиях вопрос стоит не об отмирании советского государства, а в том, чтобы усилить мощь нашего государства, чтобы иметь крепкое и могущественное, по-большевистски организованное социалистическое государство».

Это указание главы советского правительства особенно важно иметь в виду сейчас, когда вторая империалистическая война фактически уже началась, когда фашизм, используя троцкистско-бухаринские полки, провоцирует нападение на СССР. Мощное советское государство будет надежной опорой трудящихся СССР в их дальнейшей борьбе за полное торжество коммунизма.

Гуляет вьюга... мчатся хлопья снега,
Как стаи белых гонимых. Злой январь!
Твой, как камень, тяжелеют веки,
Сжимает сердце черная тоска,
Угас, угас великий гений,
И снова снег... и снова хаос ночи...
Он человеком был, и как над всеми,
Над ним кружили черны ворон смерти.
Но был отцом огромной ой земли,
И застонала тяжело земля,
Когда его утасло сердце...
Рыдали степи, плакали леса,
Поля похрюпали ледяной корою,
Как скорбно одеждой. Нет, неправда,
Он только спит, и это сон, не смерть,
Он не ушел во мрак январской ночи,
Не может умереть рожденный в бурях
Орел могучий Октября!

Повсюду снег и снег... Во мраке
Людей скорбющих вереницы,
Миллионы их... ты слышишь: стонет
Сжимает сердце черная тоска,
Волга,
На берегах ее такие ж люди
Стились сейчас в одно большое серпе,
Вот Крым, вот Дон, там плачут казаки...
И реки, и леса, и горы,
И ветер, и степные табуны —
Все сотралось... Кто умер? Умер Ленин.
О мать, скажи, кто дал тебе одежду,
Чтобы согреть твое дитя?
Кто дал бедным хлеб?
Его дал Ленин, и скорбит земля,
Скорбит Китай, закопанные руки
Над головой склоненной подымаю,
И плачут негры в Африке далекой,
Опущены тяжелыми цепями,
Они чернее черной ночи стали,
Но крепнет в них его живая воля,

Да, он сумеет их освободить,
Свобода! Он любит тебя, как сын,
Он звал тебя, когда в апреле розы
Кму земля зарпала... Не тебя ли
Его любяло молодое сердце?
Не за тебя ли он отдал жизнь свою?
Так слушай же, скорбящая земля,
В тебе течет кровь Ленина, и вечен
Его призыв к свободе... Нет, не умер
Орел великий Октября.
Могуч и бодр несется он над миром,
Над дубом, над сосной и над потоком.
Сильнее смерти вечный дух свободы,
Не умер он, — свободным станет мир!

Перевод с испанского Ф. Кельина.
Этот фрагмент из поэмы И. Бельтрана был написан Пля-и-Бельтраном в Москве, в январе 1937 г. Полностью будет напечатан в январской книге «Интернациональной литературы».

ПЛЯ-и-БЕЛЬТРАН

СМЕРТЬ ЛЕНИНА

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ

ИОАННЕС БЕХЕР

Мой путь к Ленину

Краткая заметка, затерявшаяся на страницах какой-то буржуазной газеты, привлекла мое внимание. Это было в 1917 году. В заметке сообщалось, что некто по фамилии Ленин, приехав в Петроград, выступил с исключительно опасной речью — призывом к мятежу.

В буржуазных кругах, где я вращался, эти лавочничьи строки вызвали бурю ужаса и негодования. Но я воспринял эту заметку по-иному. Я навсегда запомнил имя Ленина.

В течение всей мировой войны я пребывал в поисках неизвестного, в поисках какого-то чуда, которое должно было положить конец этой кровавой свалке. И вот, сам не зная почему, я проникся верой в то, что с приближением в Петроград Ленина этот долгожданный час наступит.

Я разделял участь многих интеллигентов, которые инстинктивно стали врагами империалистической войны и уверовали в русскую революцию, не углубляясь в скрытую сущность революционного процесса. Нас возбуждала также героическая борьба Розы Люксембург и Карла Либкнехта, укрепляя в нас ненависть к этой бессмысленной человеческой войне, но мы оставались чужды марксизму и рабочему движению.

Вскоре после того, волею исторических событий, фигура Ленина оказалась в центре внимания всего человечества. Но лишь значительно позже удалось мне постигнуть, хотя бы отчасти, все величие дела, созданного Лениным.

И вот Ленин умер. Как ярко запечатлелся в моей памяти этот день, этот час. В Берлине выпал снег. Вечером. Я подошел к площади Виттенберга, как вдруг кто-то остановил меня и сказал: Ленин умер. Кришлый год дрожал от сдерживаемых рыданий. До поздней ночи я бродил по улицам и, встречаясь с безмолвными вопрошающими взглядами друзей, знакомых, мы лишь обменивались кивком, как бы давая друг другу понять, что мы знаем страшную весть.

Неуязвимая сила ленинского гения возродилась в его преемнике — Сталине.

Образ Ленина продолжал вдохновлять меня и после его смерти; он стоит передо мной незабываемой, живой, как никогда. Ленин открыл мне тайные дружные войны.

Ленин своим учением об империализме показал мне глубину и направление общественных течений, среди которых я до тех пор бродил вслепую.

Ленин своим учением о государстве и революции вооружил меня знанием, с помощью которого я сумею найти свое настоящее место в надвигающихся исторических боях.

Ленин внедрил в мое сознание веру во всемирно-историческое призвание революционной партии коммунизма.

Ленин своими письмами к Горькому разрешил многое, что еще оставалось для меня загадкой, и раскрыл предо мной образ великого русского писателя Толстого так, как я никогда не смог бы сделать сам.

Н. БЕРЕНДГОФ

ЛЕНИН

Не пней звезд,
бегущий по карнизам,
Не тихий снег
блестит летучим снегом,
А сияный дым костров,
идущий низом,
Нам навеяет глухо
о былом:
Над древним,
огнями сверкающим
городом
Дыханье зимы
прикасалось остро,
Иглылись в ивие
брови и бороды
В отблеске пышных костров.
Ширилась боль
в неизлечимой печали,
Хлопья металась
в пене глухой:
Мы жили,
боролась
и побеждали,
Дышали
одним дыханьем
с тобой!
Сердце республик
билося чаще,
Триста секунд
стерегли его вздох.
Фотографировал
лень ледяной
Патимвнутный
столбняк поездов.
В эти триста секунд
ты, отпала немял,
Склонилась знамена
к холодному лбу.

Ленин дал мне ответ на вопрос: «Что делать?»
В трудах Ленина я нашел то, чего так долго искало человечество — правду жизни.

Я всегда искал Ленина, бывая в тех местах, где он жил.
Кто знает, часто говорил я себе, может быть, я случайно встретился с ним в моем родном Мюнхене? Жил там, Ленин любил бродить по бережьюм Наара. Его можно было видеть не раз сидящим с книгой и карандашом в руке на одной из зеленых скамеек, как раз там, где в ту пору я, еще «атаман разбойничьей шайки», носился с товарищами моих школьных игр.

В Берлине, на улице Клоштова, в районе Моабита, неподалеку от нашей партийной организации, находился дом, где когда-то снимал комнату Ленин. Это было велекое здание из красного кирпича, облепленное балкончиками и башенками. Как часто, проходя мимо этого дома, мы смотрели на окна ленинской комнаты и пытались взглянуть на самих себя — его глазами. И каждый из нас спрашивал себя: как отнесся бы Ленин к твоей работе? Да, Ленин всегда жил в нашем сознании, он был нашей совестью.

Я нашел Ленина в Швейцарии, в Пюрихе — его последнее убежище перед возвращением в Россию. Узкая улочка ведет от самой набережной Лимата, слегка поднимаясь вверх, к дому Ленина, мимо живописного фонтана. Даже журчанье его струй как бы пробуждает воспоминания о Ленине. На стене дома приоткрыта простая табличка, говорящая о том, что здесь жил вождь русской революции.

Но разве могут эти встречи дать хотя бы слабое представление о том, как часто и как близко я каждый день сталкивался с Лениным? Я нахожу его в любви к нему миллионы трудящихся всего мира. Я нахожу его и в бессильной ненависти его врагов, и эта ненависть нелегко служит доказательством бессмертного величия его дела.

Нельзя было без волнения читать, как во время Всемирной парижской выставки слепой заставил свою жену привести его в советский павильон, к бюсту Ленина. Дрожаниями ладонями он благоговейно осязал лицо Ленина, чтобы навсегда запечатлеть дорогие черты.

И мы, зрячие, все вновь и вновь устремляем свои взоры к образу Ленина, как если бы его облик все еще недостаточно глубоко проник в наше сознание.

Это лишь один из путей к Ленину. Путь — через аз мировой войны. Но в Ленину ведет бесчисленное множество путей, прямых и извилистых. Величие Ленина одержало верх над тысячами и тысячами его бывших противников и многих поставило на правильный путь.

В наши дни путь Ленина сделается той стобольной дорогой, по которой шествуют миллионы в борьбе за мир, встречу счастливому будущему человечества.

ПОРТРЕТ В. И. ЛЕНИНА.
Вышивка. — Китай.
(Музей Ленина).

ЭМИ СЯО

ЛЕНИН В КИТАЕ

В бывших советских районах Китая все школы носили имя Ильича. В клубах, в частях Красной армии, ныне 8-й народно-революционной армии, существовали «ленинские уголки» (по-китайски «ленинские комнаты»). И сейчас в Особом районе, в Шаньси—Хэйбэй, в чахарских пограничных районах, везде висят портреты Ленина и Сталина.

Многие произведения Ленина давно уже переведены на китайский язык.
I. «Ленин о социализме» (Избранные сочинения Ленина), вышло на китайском языке уже восемь томов. II. «Ленин 1917 года» («Ленин 1917 года» — речи и статьи от Февраля до Октябряской революции). III. Ленин — Материализм и эмпириокритицизм. IV. Ленин — Детская болезнь «левизны» в коммунизме. V. Ленин — Государство и революция. VI. Ленин — Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 гг. VII. Ленин — Развитие капитализма в России. (Шанхай — первое издание — 1930 г., второе — 1932 г.).

За последний год, год освобождения войны, особенно много переведено и издано произведений Ленина и Сталина. Например, за 1938 г. в журнале «Гайфан» (или «Ляфан» — «Освобождение»), выходившем в Особом районе, и в журнале «Шюньчжун» («Масса»), выходившем раньше в Ханькоу, а теперь в Чунчине, был напечатан ряд статей и речей Ленина и Сталина (речь товарища Сталина на приеме в Кремле работников высшей школы, 17 мая 1938 г., Ответ товарища Сталина на письмо т. Иванова. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 11 декабря 1937 г.).

В 1938 г. в Китае издали следующие книги Ленина, о Ленине и ленинизме: 1. Ленин — «Карт Маркса». 2. Письма Ленина к родным. 3. «Жизнь Ленина» в переводе на китайский язык Цзян Мина (вышло в апреле месяце). 4. Ленин — Женщина в революционном движении. 5. М. Горький — «Ленин». 6. «Что такое ленинизм», составитель Ван Вей-Чен.

В 1938 же году издали в Китае книги Сталина:

1. Сталин — «Вопросы ленинизма». 2 — Сборник речей и статей.
Книга Анри Барбюса «Сталин» вышла на китайском языке еще в сентябре 1936 г. первым, а в феврале 1937 г. уже третьим изданием.

Необходимо указать, что статьи и выступления Ленина об искусстве и литературе являются настоящими книгами китайских писателей. Статья «Лев Толстой как зеркало русской революции» переведена и уже неоднократно печаталась в литературных журналах.
Лучший перевод этой статьи принадлежит товарищу Шюй Чюбо (известный политический деятель и литератор, член ЦК компартии Китая, который переводил также статьи Энгельса, Плеханова, Ладарга об искусстве и написал ряд комментариев и статей). После гибели Шюй Чюбо все эти работы были собраны, составлены и изданы вместе с рядом публицистических статей Горького (тоже в переводе Шюй Чюбо) великим китайским писателем Лу Синем.

Ленин о Щедрина

Ленин превосходно знал и высоко ценил Щедрина. Установлено, что среди многочисленных примеров из художественной литературы, которыми пользовался Ленин для иллюстрации своих положений, подавляющее большинство приходится на долю Щедрина. При этом использованы почти все основные произведения Щедрина: Ленин свободно владел всей богатейшей галлеей щедринских сатирических типов, замечательным словарем Щедрина, меткими выжимками и характеристиками.

Ленин превосходно знал Щедрина и требовал, чтобы его знали и другие большевистские писатели и журналисты. В 1912 году М. С. Ольминский, выдающийся знаток Щедрина, напечатал в «Правде» статью «Культурные люди и нечестная совесть». В статье были использованы очерки Щедрина «Культурные люди». Ленин писал по этому поводу редактору «Правды»: «Чрезвычайно кстати взята тема, и разработана в краткой, но ясной форме превосходно. Хорошо бы вообще от времени до времени вспоминать, цитировать и рассуждать в «Правде» Щедрина и других писателей «старой» народнической демократии» (XXIX, 74—75).

В словах Ленина не только содержится указание большевистской публицистике, не только установлена ленинская традиция пользоваться сатирическими образами Щедрина для борьбы с врагами рабочего класса и социализма; в этих словах дана и политическая оценка Щедрина, точно указано его место, как писателя, в русской литературе. Ленин относит Щедрина к «старой» народнической демократии, который Ленин противопоставлял народничеству 70-х годов.

Ленин подчеркивал революционные, демократические стороны в творчестве Щедрина. Он с негодованием разоблачал попытки либеральной буржуазии фальсифицировать литературный облик Щедрина, представлять великого сатирика в виде либерального обличителя бюрократии. Ленин указывал, что как раз либералы Щедрина разоблачали со всей гневной беспощадностью своего сатирического пера Ленин писал в 1912 г. в статье «Еще один подход на демократию»:

«Обществу нестерпимо бывает видеть, когда субъекты, вроде Шенгеля, Струве, Грехескула, Ягоева и прочей кадетской братии, хватаются за фалды Некрасова, Щедрина и т. п. Некрасов колебался, будучи лично слабым, между Чернышевским и либералами, но все симпатии его были на стороне Чернышевского... А Щедрина беспощадно издевался над либералами и навсегда заклеивал их формулой: «применительно к подлости». (XVI т., 132—133 стр.).

Ленин показывал жизненность щедринской сатиры, применяя типы, созданные Щедриным, к явлениям и людям позднейшего времени. Вся глубина и революционность щедринской сатиры сказывалась в том, что она как бы сопутствовала борьбе рабочего класса с его врагами — помещиками и капиталистами, царской бюрократией и буржуазной либеральной интеллигенцией всех ее разновидностей — от кадетов до социалистов» эсеровского и меньшевистского толка. Ленин говорил, что нужен рабочему классу «новый Щедрин».

В 1907 г. меньшевики писали о «четко-рабочем движении без революционной банальности, о новой «революции» без революционеров». В статье «Шаханов и Васильев» Ленин разоблачал авторов этой меньшевистской «теории». Он писал: «Щедрина классически высмеял когда-то Фрапэнно, растерявшийся коммунар, Франтино премыкающийся перед русскими тиранами банкиров, как республику без республиканцев. Пора родиться новому

Из статьи «Щедринские типы в произведениях Ленина и Сталина», печатающейся в I томе полного собрания сочинений Салтыкова-Щедрина.

Щедрина, чтобы высмеять Васильева и меньшевиков, защищающих революцию посредством лозунга «отсутствие» революционеров, «отсутствие» революции». (X, 238—239).

В этом же году в статье «Торжествовая пошлость или кадетствующие асеры» Ленин высмеивает кадетскую и асерскую печать, провозгласившую присоединение политических партий к торжествующей помещичье-буржуазной реакции: «Даль, что не дожид Щедрин до «великой» российской революции. Он прибавил бы, вероятно, новую главу в «Господам Головлёвым», он избрал бы Иудушку, который успокаивает высеченного, избитого, голодного, закабаленного мужика...» (XI, 158).

Эти указания Ленина на необходимость «нового Щедрина» говорят о сознательности щедринской сатиры революционному движению рабочего класса. Нужна марксистская, большевистская сатира, которая в новых условиях продолжала бы дело Щедрина. Хотя последние годы жизни великого писателя совпадают с первыми шагами русского марксизма, но Щедрин был далек от марксизма, он не различал в историческом процессе особую роль и великую задачу пролетариата. И тем не менее все его художественное творчество пронизано было глубоким, непримиримым отрицанием буржуазного общества, страстной ненавистью к угнетению и эксплуатации трудящихся, великим гневом против всякого рода соглашательства с господствующими классами капиталистического общества. Пути революции неясны были для Щедрина. Он не был стратегом, политическим вождем, руководителем политической партии. Щедрин был прежде всего писателем-художником, и все его произведения насыщены стихийно-революционным протестом против помещичье-буржуазного общественного строя, против идеологии, философии, морали, господствующих при этом строе классов.

Говоря о необходимости «нового Щедрина» Ленин на конкретных примерах расширял щедринские сатирические образы. Он показывал эти образы в новой политической обстановке, и это было именно тем истолкованием Щедрина, которого требовал Ленин от большевистской публицистики. Иудушка Головлёв у Щедрина выступает только как помещик-хозяин в своих отношениях к крестьянам, к родным, к знакомым, Щедринский Иудушка почти не выступает как политик. Но Ленин показывает нам этого же Иудушку, как его создал Щедрин, в обстановке и условиях классовой борьбы XX века, в революции 1905 г., в империалистической войне, в международном рабочем движении. И это истолкование щедринского типа безмерно обогащает его. Никого из врагов не клеймил Ленин клеветкой Иудушки с таким презрением, с такой уничтожающей силой, как предателя, врага народа — Троцкого.

Мы действительно видим «нового Щедрина», или, если угодно, старого Щедрина, если бы он «дожил» до нашего времени. Мы наглядно убеждаемся в созвучности Щедрина эпохе пролетарских революций. Ни одна партия не критикует с такой силой, страстностью, ненавистью — словами и делом — буржуазное общество, как партия революционного рабочего класса, партия большевиков. Поэтому и Щедрин получил полное, всестороннее признание, как великий русский писатель, в советское время, в советской стране, где ликвидированы эксплуататорские классы и в основном построен социализм, где идет беспощадная борьба со всеми остатками капитализма в сознании людей и с контрреволюционной агентурой капиталистического окружения советской страны.

Произведения Ленина и Сталина показывают нам, как щедринская сатира играла и играет роль острейшего оружия в борьбе рабочего класса и всех трудящихся за торжество коммунизма.

В. И. ЛЕНИН БЕСЕДУЕТ С А. М. ГОРЬКИМ В КРЕМЛЕ. 1920 ГОД. Рисунок художника П. Васильева. Экспонирован в Музее Ленина.

ГЕННАДИЙ ФИШ

Клятва в действии

Летом тысяча девятьсот двадцать пятого года в Ленинграде, на углу проспекта 25 Октября и улицы Третьего июля, была выставлена большая карта. Около нее все время толпились люди. Это была карта «Великого перелета», как его тогда называли. Несколько наших самолетов летели из Москвы в Пекин. Летели с остановками. Летели не меньше месяца. И все-таки это был «Великий перелет»...

Самая мысль о перелетах, подобных перелету Чакалова, Громова, Коккинаки или Гризодубовой, показалась бы тогда утопической.

«Если надо, Коккинаки долетит до Нагасаки и покажет он Араки, где и как живут раки» — эта столь популярная сейчас среди наших летчиков пословица прозвучала бы тогда, как бахвальство. А ведь тем события последнего времени доказали и кое-что это испытали на своей шкуре, что эта пословица только регистрирует реальное положение вещей.

Вспомнив свою военнокоровскую заметку, напечатанную в «Правде» двенадцать лет назад. В этой заметке предлагалось, чтобы в автоматостях проводились из красноармейцами, пришедшими в армию из деревни, несколько дополнительных занятий, и исполнял подготовившихся, хотя бы в малом масштабе, нужных деревне трактористов. Как все изменилось с тех пор! Каждый новый год призывает нас нашей армии все более квалифицированных призывников. Из деревни идут в армию уже подготовленные трактористы, комбайнеры, бригадир-организаторы. Новая колхозная деревня дает кадры, безбашенные по своему техническому, культурному и физическому уровню. Даже одного перечисления новых, недавно возникших слов достаточно для того, чтобы понять, что происходит в стране, готовящейся сокрушить всякого, кто осмелится перейти ее рубежи. Летчики-белотренины, парашютисты, воронцовские стрелки, воронцовские всадники, значистки — «Готов к труду и обороне» и т. д. И когда также кадры приходят в армию, умудренные стахановским опытом работы на производстве, они заставляют машины делать даже то, о чем не мечтали и конструктора этих машин.

А вот еще пример. Когда в 1922 году необходимо было положить конец белогорской авантюре в Карелии и для проникновения во вражеские тылы нужны были люди, умеющие хорошо ходить на лыжах, то во всем петроградском гарнизоне с трудом можно было набрать сотню курсантов интернациональной военной школы — физическую роту, которая умела ходить на лыжах. Самые лыжи пришлось собирать по всему городу. В 1937 году мне

довелось принимать участие в зимних учениях Московского военного округа. И тогда меня поразило то, что не только у разведчиков (как положено по уставу), но почти у всех бойцов были лыжи. Лыжи находились и в фюзеляжах аэропланов, лыжи были прикручены и к запяленным снегом танкам... И все расчеты штабов «противников» во время этих учений были сорваны. Так как пехота передвигалась зимой не так, как ей было положено по нормам, а вые быстрее, то все пехотные полки обладали большей маневренностью и скоростью марша, чем казарменная. Можно было бы привести тысячи интересных случаев, показывающих, как горячо население любит свою армию. Ярче всего это выражается, пожалуй, во время учений и маневров. Но разве не достаточно войти в кино и посмотреть, как оживляется зритель, когда на экране появляется командир или боец Красной Армии, как он горько переживает каждую неудачу красноармейца и как неистово аплодирует каждой его удаче.

Стоит посмотреть только газеты последнего года, чтобы убедиться, как растет и укрепляется наша Красная Армия. Сюда относятся и создание так хорошо себя показавшего в дни гражданской войны института комиссаров. Благоприятное влияние этого института в армии с каждым днем дает себя чувствовать все больше и больше... И ансамбль красноармейской песни и пляски, артисты которого получили за выслугу лет высшие награды, и праздник годовщины шестфа работников искусств над частями Красной Армии, — все это разные по своему значению, но единые по своему существу явления, показывающие, как выполняется великая клятва Сталина.

Вся общественно-политическая, экономическая, культурная жизнь Советского Союза за последние пятнадцать лет есть не что иное, как выполнение великой клятвы Сталина в траурные январские дни 1924 года.

Сегодня мы еще раз мысленно повторим ее:

«Ленин не раз указывал нам, что укрепление Красной Армии и улучшение ее состояния является одной из важнейших задач нашей партии... Покаяемся же, товарищи, что мы не поладили сил для того, чтобы укрепить нашу Красную Армию, наш Красный Флот».

Писатель, любимый Лениным

В самом деле, мы все еще плохо знаем Чехова, хотя и чувствуем, что он заслуживает быть изученным так, как изучен у нас Пушкин.

Принято, например, утверждать, что в области чисто художественного творчества поездка Чехова на Сахалин дала немалую — рассказы «Убийство» и «Гусев».

Но утверждая так, биографы и исследователи не идут дальше регистрации творчества по чисто формальным признакам.

О том, как новые, появившиеся у Чехова после поездки на Сахалин, мотивы вытекли из его творчества, — с удивительной наглядностью раскрывает нам история создания «Учителя словесности».

Когда Чехов писал первую главу, он, по собственному признанию, «попал в свои герои» и счастливый сон влюбленного молодого учителя сделал юнцом всего повествования. Это было в 1889 году — до поездки на Сахалин. Здесь был элемент того самого благодушия, против которого так резко выступал сам Чехов.

После поездки на Сахалин Чехов снова возвращается к этому рассказу и приписывает к нему вторую главу — жесткую, суровую, беспощадную, в которой уже ничего не остается от мешанского счастья и провинциальной идиллии, — главу, в которой учитель Никитин восклицает:

«Нет ничего страшнее, оскорбительнее, постыднее пошлости. Бежать отсюда, бежать сегодня же, иначе я сойду с ума!»

Восклицание это напоминает нам уже акишского чиновника Яевского — героя «Дуэли».

Очень тонко заметил один из корреспондентов Чехова, что «Дуэль» представляет к нему протипанную сахалинскими мотивами.

Для меня замысел «Дуэли» заключен в одном коротком подстрочном примечании Чехова к «Острову Сахалину» — примечание о случаях заболевания чиновников острыми формами ностальгии, тоски по родине.

Вопрос же о том, почему этот замысел Чехов развернул на фоне Сахалина, а не на фоне Ахазии, — тема для интереснейшего исследования. Это вопрос о сознательном отказе Чехова от всего исключительного, о стремлении поставить жизненно важную проблему в ее самой общей форме: дело не в исключительных условиях, в которых живут чиновники на Сахалине, а в общих условиях российской жизни, условиях, в которых даже чудесная природа не только не приносит доли счастья, а, наоборот, превращается в источник душевной муки.

Таких трансформаций, очень тонких и глубоких, в творчестве Чехова много. И это, кстати, одна из причин, по которым современники Чехова так охотно называли живых прототипов его героев и, называя их, почти всегда ошибались...

Но говорить об «Учителе словесности» и «Дуэли», как о входящих в сахалинский цикл Чехова, можно, конечно, только условно. Что же касается такой повести, как «Палата № 6», — о ней следует говорить как о сахалинской» без всяких оговорок.

Если Чехов когда-нибудь прибегал к инвекциям по цензурным соображениям, то, конечно, это сделал он в «Палате № 6». Со всей ответственностью я беру сейчас утверждать, что «Палата № 6» есть, как теперь принято выражаться, «любое» изображение сахалинской каторги, и это любое изображение замаскировано ровно настолько, насколько это приходилось делать, учитывая цензурные условия.

И вот — великолепное торжество обоим гениям Чехова: учитывая цензуру, он сумел изобразить парскую каторгу до описания одной из палат провинциальной больницы, но, описав эту палату, Чехов изобразил не один режим каторги, но режим всей страны.

Перечитывая «Палату № 6», мы всегда будем вспоминать то впечатление, которое произвела эта повесть на Ленина, будем вспоминать строки из воспоминаний его сестры Анны Ильиничны:

«Остался у меня в памяти разговор с Володиной о появившейся в ту зиму в одном из журналов новой повести А. Чехова «Палата № 6». Говорю о талантливости этого рассказа, о сильном впечатлении, произведенном им... Володя вообще любил Чехова, — он определил лучше всего это впечатление следующими словами:

«Когда я дочитал вчера вечером этот рассказ, мне стало прямо-таки жутко, я не мог оставаться в своей комнате, встал и вышел. У меня было такое ощущение, точно и я заперт в палате № 6».

«Сахалинское» в творчестве Чехова, то есть та правда отрицания, которая с каждым годом все сильнее звучала в чеховских произведениях, — вот что, думается, прежде всего делало Чехова близким Ленину.

Ведь это был писатель, который в «Человеке в футляре» написал о том, что «больше жить так невозможно», а в «Невесте» написал о том, что «главное — перевернуть жизнь».

В этих словах, написанных автором ветеринарному врачу Ивану Ивановичу и типографу Саше, вы слышите голос самого Чехова, который вступает в открытый, честный и суровый разговор со своим читателем.

Попытки загромождать Чехова революционером останутся фальсификацией и притом довольно наивной. Что же касается не субъективных взглядов Чехова, а объективного революционного значения чеховского творчества, то оно до сих пор скорее преуменьшалось, чем преувеличивалось.

Но это одна эта правда отрицания делала Чехова великим писателем и не за одну ее любил Чехова Ленин.

Чеховская нежность и мягкость, все то нежное определенное и очень хорошо нами ощущаемое, что составляет чеховскую поэзию, — все это не затуманивало, не обволакивало правду отрицания, а как раз ее выделало и подчеркивало.

Многим современникам Чехова казалось, что его поэзия исчерпывается уютном неторопливо текущем времени и потребовательной метательностью. Среди скромных певцов русского быта, среди псалмов «опиастелей» жизни конца прошлого века они находили Чехова самым тонким, самым талантливым — и только. В их сознании Чехов противопоставлялся, скажем, Щедриным, и находя все же в Чехове щедринское, разоблачительное, они ощущали это «щедринское» как своего рода ущемление «чеховского».

Но истинная поэзия Чехова была заключена как раз в отрицании того, что на первый, поверхностный, взгляд Чеховым воспевалось. Писатели чеховской плеяды знали только чувство привязанности к тому, что они выбрали предметом своего вдохновения. Чехов же кроме привязанности (не следует эту привязанность отрицать у Чехова совсем) знал еще чувство отвращения, гнева, несправости.

И это второе чувство, эта правда отрицания придала простым чеховским картинам быта и психологии мощь и прочность вечных созданий искусства. Потому можно сказать, что правда отрицания и составила душу чеховской поэзии, придавая ей взрывчатую силу.

Вот за это, вероятно, более всего и любил Чехова Ленин.

И вот почему кажется вполне естественным и понятным, что даже в самые трагические для революции дни Ленин, откладывая чтение или театру немногие часы, брался за томик Чехова или ехал в Художественный театр на спектакль «Дядя Ваня».

В настоящее время вновь обсуждается вопрос о том, как следует ставить песни Чехова на советской сцене.

Прежде всего их следует ставить, как песни, которые любил Ленин. А это значит — ставить песни Чехова просто и мужественно, ни в чем не искажая прошлого и думая о будущем.

Б. МЕЙЛАХ

ЗАМЕТКИ О ЛИТЕРАТУРНОМ СТИЛЕ ЛЕНИНА

Среди многочисленных заслуг Ленина перед нашей родиной и всем прогрессивным человечеством особое место занимает создание им в России пролетарской революционной публицистики. Главные статьи воля миллионов масс, соединявшие в себе всю силу сокрушительной для врагов ленинской логики с отточенностью сатирического обличения, являются драгоценнейшими сокровищами публицистической литературы социализма. Гениальный стратег и тактик пролетарской революции сочетался в Ленине с гениальным литератором, не только в полной мере ценящим огромную силу печатного слова, но и сумевшим целиком поставить ее на службу задачам большевистской партии. Недаром ленинский план построения марксистской партии начинался с организации общерусской боевой политической газеты.

Будучи организатором коммунистической печати, Ленин был в то же время и создателем стиля большевистской публицистики, в своей литературной практике — выработавшим ее основные качества — партийность, простоту и ясность, сочетаемую с глубиной содержания и враждебностью к общему фразам. «Только Ленин, — говорил товарищ Сталин, — умел писать о самых запутанных вещах так просто и ясно, скажешь и смею — когда каждая фраза не говорит, а стреляет» (Сталин,

«О Ленине», Партиздат, 1937, стр. 26). Свойственные Ленину необычайная сила убеждения, простота и ясность аргументации, короткие и всем понятные фразы, отсутствие рисовки, отсутствие головокружительных жестов и эффектных фраз, бьющих на впечатление... (там же, стр. 27—28) — характеризуют все его литературные произведения, начиная от философских трудов и кончая газетными статьями.

В своей литературной работе Ленин опирался на богатейший опыт западноевропейской и русской революционной публицистики и литературы. Будущий создатель литературного стиля ленинской публицистики с леводемократической журналистской французской революцией XVIII в., в частности, с знаменитой газетой Марата «Ami du peuple», разоблачаящей сложнейшие и вождей либеральной буржуазии, призывавшей народ «разрешить гражданскую войну». Непосредственными же предшественниками Ленина-публициста были Маркс и Энгельс, блестящие мастера политического жанра, с одинаковым умением пользовавшиеся в своей политической деятельности его различными приемами — философским и политическим методом, фельетоном, сатирическим портретом. Ленин, тонко учитывавший в своей литературной работе опыт Маркса (и в частности, такой мелочев, как памфлет «Восемнадцатое брошюра Луи Бонапарта»), писал о стиле «Капитала»: «... в редком научном трактате вы найдете столько «сердца», столько горячих и страстных полемических выходов против представителей отсталых взглядов, против представителей тех общественных классов, которые, но убеждению автора, тормозят общественное развитие» (т. II, стр. 335).

Несомненное влияние на формирование литературного стиля Ленина оказала также русская революционная печать. В статье «Из прошлого рабочей печати в России» Ленин убедительно показал, что «Рабочая печать в России имеет за со-

бой почти революционную историю — сначала подготовительную, т. е. историю не рабочего, не пролетарского, а «общедемократического», т. е. буржуазно-демократического освободительного движения... (т. XVII, стр. 346). Как предшественника пролетарско-демократической печати Ленин особо отмечал «Колокол» Герцена, вставший за освобождение крестьян. В этой же статье высоко оценен Лениным Чернышевский, который по сравнению с Герценом «... был гораздо более последовательным и боевым демократом» (т. XVII, стр. 342). В качестве одного из лучших произведений белогорской демократической печати здесь же названо «Письмо к Гоголю» Белинского. Большим сочувствием Ленина пользовались, как известно, Некрасов и Салтыков-Щедрин, которые «...учили русское общество различать под прилаженной и надоманной внешностью образованности крепостника-помещика его хищные интересы, учили ненавидеть лицемерие и бездушие подобных типов...» (т. XII, стр. 9).

В работах Ленина-публициста нашли свое выражение лучшие заветы передовой классической литературы. Гениально предвидя будущие всемирно-исторические победы пролетариата, Ленин писал в работе «Что делать?»: «...мы хотим лишь указать, что роль передовой борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией». А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов; пусть получит о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература...» (т. IV, стр. 380—381). Уверов все, что было передового в великой русской литературе, Ленин по-новому поставил и одну из важнейших проблем литературы — проблему народности. Ценив в прошлых поколениях русской революции горячие стремления улучшить положение народа, он в

то же время, отмечая свойственную допролетарскому периоду революционного движения непоследовательность в отношении к народу, как субъекту истории. Вместе с тем Ленин не забывал принципов подхода к рабочим «высокая», замена серьезного обсуждения вопроса «приватными или фразами» (т. IV, стр. 462). Разоблачая оппортунизм «экономистов», утвердивших, что социал-демократия должна «приворачиваться» и сдвигаться до уровня средних и даже отсталых рабочих, Ленин писал: «Я далек от мысли отрицать необходимость популярной литературы для рабочих и особенно популярной (только, конечно, не балаганной) литературы для особенно отсталых рабочих. Но мне возмущает это постоянное приуменьшение педагогик в вопросах политики, к вопросам организации. Ведь вы, господа редакторы «Рабочее-средние», в сущности, скорее оскорбляете рабочих своим желанием непременно нагнуться, прежде чем заговорить о рабочей политике или о рабочей организации» (т. IV, стр. 461—462). Обличение Лениным свойственного либеральным литераторам стремления «нагнуться» при разговоре с народом перекликается с мнением о народности передовых представителей русской классической литературы и в частности, с Щедриным, который писал: «Чтобы понять, что именно нужно народу, чего ему недостает, необходимо поставить себя на его точку зрения, а для этого не требуется ни нагибаться, ни кокетничать». «Кокетничать» с народом русских либералов Ленин неустойчиво разоблачал. Великолепный портрет асеро-меньшевистского холопа, соединяющего «...очень умеренную дозу народничества с очень высокой дозой послушания и отставания интересов барина...» (т. XXIV, стр. 417) Ленин дал в статье «В лакейской».

Ленин борется за ясный, простой, понятный широчайшим массам литературный стиль, резко критикуя, как заунывный, полный идеалистической дребезни язык меньшевиков и либералов всех мастей, так и

связанные с рабочими эпитетов народничества. Он с любовью говорил о том, что «...язык Тургенева, Толстого, Добролюбова, Чернышевского — велик и могуч» и, желая, «...чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку» (т. XVII, стр. 180). Страстность гения, для которого родной язык является священным народным достоянием, чувствуется в ленинской оценке «стиля» казенно-бюрократических документов царского правительства: «...больше становится за родную русскую речь, — когда вычитываешь в эту предель, чувствующим себя, точно в русском полнейшем участии, в котором от стен отдает захлестывая, отовсюду несет какой-то олимпийской волею, чиновники, уже по своему своему виду и обращению — олицетворение самой невыносимой волокиты, а внешнеюся в окно надворные постройки живо напоминают о застенке» (т. IV, стр. 275—276).

Всякие элементы политической трескотни, псевдонаучной схоластики, попытки затуманить суть дела встречали сокрушительный отпор Ленина. Требования говорить «просто и ясно», доступным народному языку, это словесание традициям всей великой русской литературы XIX в. — от Пушкина, наставившего на том, что «точность и краткость — вот первые достоинства прозы», до Льва Толстого, утверждавшего, что «та простая безыскусственная речь, которой говорит русский народ... несравненно художественнее и выразительнее всякой другой». Подлинно народный русский язык органически свойственен М. Горькому. И недаром Ленин, уже после Великой Октябрьской революции, настаивал на создании словаря, в котором отразил бы богатство русского языка «от Пушкина до Горького».

Ленин учил, что язык и мышление, т. е. стиль автора и его политические убеждения неразрывны. «Анархические идеи, — заметил он однажды, — порождают и анархический язык» (т. VIII, стр. 91). Не менее тонко отмечены им разли-

чия стиля большевиков и меньшевиков: «Любовь меньшевиков к общим фразам, уклонение от конкретное изложения вопроса, — это — чисто интеллигентская черта. Она в корне своем чужда пролетариату и вредна с точки зрения пролетариата» (т. XI, стр. 143). В спорах большевиков с меньшевиками нередко пыталось свести изменение формулировок в стилистическом споре. Об одном из таких эпизодов Ленин рассказывал в докладе об объединительном съезде (т. IX, стр. 181). В резолюции о вооруженном восстании Плеханов написал вместо «вырвать власть» — «вырвать права силой». Эта оппортунистическая поправка под давлением большевиков была снята Плехановым «...под тем (дипломатическим, может быть, и искусным, но встречным улыбка) предлогом, что не стоит особенно спорить из-за «стилистических» (т. IX, стр. 181). Ленин блестяще разоблачал за всякими словесными ухищрениями подлинные убеждения всякого рода врагов пролетариата — меньшевиков, эсеров, троцкистов, желтых социалистов.

Ленин оставил нам изумительные образцы ленинской публицистики, образцы литературного языка революции, — мужественного и простого.

Литературный стиль Ленина гениально уложен в работах товарища Сталина, сочетающего разработку глубочайших проблем современности с высокой логической ясностью, в работах, полных остроты и метких характеристик, наполненных богатым арсеналом образов классической литературы.

Расцвет революционной публицистики в СССР особо контрастен на фоне злобной фашистской «публицистики» современной Германии. Уровень этой «литературы» застенка характеризуется сестрой нашей кровавым мещиком выжимкой «Моя борьба», где, по наблюдениям Льва Фейдтыантера, «в 140 тысячах слов имеется 140 тысяч погрешностей против духа немецкого языка».

Кабинет Ильича. Из коридора глухо доносится стук телеграфного ключа.

В углу на стуле — Максим Горький. За дверью раздается голос Ленина, и на пороге появляется разгневанный Ильич.

...это дурацкий либерализм! — кричит Ильич козу-то, очевидно, идущую за ним. — Пожалуйте, проходите вперед! Выходите, выходите!

Мимо стоящего в дверях Ленина проходит в кабинет Поляков, красный от смущения.

Мы с вами на государственной службе, батенька, и к этому пора привыкнуть, — сердито продолжает Ильич, захлопывая дверь и не замечая сидящего в углу Горького.

Владимир Ильич! — перебивает его Поляков, — здесь вас ждут...

Ильич резко поворачивается, видит Горького и быстро подходит к нему: — Алексей Максимович! Здравствуйте! Простите, мы сейчас договорим.

— Меня здесь усадили и просят подождать. Я не мешаю?

— Нет, нет, несколько, совершенно не мешает! И вы напрасно надеетесь, товарищ Поляков, что присутствие Горького помешает мне досадить вам до конца... Вы знакомы?.. Товарищ Максим Горький, товарищ Поляков... Так вот, усойте: никакие революционные заслуги в прошлом, никакая партийный стаж, никакая седая борода не будут нами приниматься во внимание — категорически! — когда речь идет о компроматной советской власти! И мы никому не позволим, сидя под крыльшком добрейшего товарища Полякова, саботировать нашу работу...

Владимир Ильич, я понимаю... — Напрямую, вы этого не понимаете... — перебивает его Ильич, — а если и видите не понимаете, то мы будем вынуждены показать вас — и сурово, хотя вы прекрасный человек и старый большевик!

— Я согласен с вами, — говорит багровый от смущения Поляков.

— Ну вот и отлично! — Ленин вдруг улыбнулся открытой, детской улыбкой.

— Вот вам распоряжение — абсолютно строгое. И, пожалуйста, перестаньте с этими господами либеральничать.

— До свидания, Владимир Ильич! — улыбаясь, говорит Поляков.

Ильич пожимает его руку и быстро подходит к Горькому.

— Рад вас видеть, Алексей Максимович. Я соскучился по вас.

— Вы так умеете отругать человека, — говорит Горький, — что он уходит вполне довольным. Свойство — завидное и поучительное.

— Гм, гм... Как вы живете? — Ильич в бесконечных и малопользуемых хлопотах.

— Так... А я вот слышал — и уверен, что это правда, — что вы ведете большую, интересную и очень полезную работу.

Горький улыбается в усы: — Вы значительно преувеличиваете мои заслуги, и это... приятно.

Ильич весело смеется.

— Скажите мне, какие у вас нужды, и я скажу, какая у вас работа! Небось, пришли просить чего-нибудь?

— Разумеется. Принес даже, вот — бумагу...

Ильич берет бумагу, переходит к столу, читает, отменяя какие-то места.

Горький усаживается рядом с ним. — Тут, прежде всего, Владимир Ильич, вот что... Нужно их горьчить, а то помрут писатели... и ученые помрут.

Ильич делает пометку на полях горьковской бумаги.

— Баста, — продолжает Горький, — вчера Иван Петрович Павлов опять отказался ехать за границу. Это он уже шестнадцатое приглашение отвергает. Генеральский и приятный-злой старик... Вот здесь написаны нужды его лаборатории.

Ильич переворачивает страницу. Внимательно читает, одновременно слушает Горького, то и дело вскакивая на него взгляд.

Много приходится ходить. Очевидно, в поисках хлеба насущного.

Ильич улыбается. Входит уборщица — Евдокия Ивановна.

В руках у нее стакан чая и кусок черного хлеба на тарелке.

Ленин освобождает место на столе. — Спасибо! Поставьте, пожалуйста, сюда, Алексей Максимович, вы обедали?

— Обедал.

— Не считайте?

— Считали есть — обедал.

— Чая?

— Нет, благодарю вас.

— Ну что ж, сделаем все, что в наших силах. — Ленин откладывает бумагу Горького. — У вас, чувствую, есть что-то?

— Да...

— Кто-нибудь арестован, и вы собираетесь за него просить?

— Вот именно.

— Так я и знал.

— Владимир Ильич. Арестован профессор Баташев. Это хороший человек.

Ленин хмурится.

— Что значит «хороший человек»? А какова у него политическая линия?

— Баташев прятал наших.

— А может быть, он вообще добренький? Раньше прятал наших, а теперь прятает наших врагов?

— Это человек науки — и только.

— Ну так нет!

— Владимир Ильич! Я человек недобрый и недовольный. Тем не менее, я готов поручиться за Баташева.

— Ну, что ж, — хмурясь, говорит Ленин, — ваше поручительство вещь немалая... Он пишет записку... Зайдите к Феликсу Эдмундовичу, поговорите с ним. У него замечательное чутье на правду. — Отдает записку Горькому.

Только напрасно вы этим занимаетесь, Алексей Максимович. Вы ведете громадную, нужную работу, а все эти «быльшие» путаются у вас под ногами.

— Я, может быть, старее, но мне тяжело смотреть на страдания людей, — говорит Горький. — Пусть это даже люди ненужные...

Ленин встает, быстро подходит к кабинету из угла в угол.

— Да, им тут пришлось, — говорит он. — Умные из них, конечно, понимают, что вырваны с корнем и больше в землю не прорастут...

Горький помолчал.

— Я, Владимир Ильич, не встречал другого человека, который с такой силой любил бы людей, как вы, который так ненавидел бы горе и страдания человечества и презирал бы мерзости вашей жизни... Вы должны меня понять.

Ленин резко выбрасывая вперед указательные пальцы обеих рук. — Как определить, какой удар — необходимый, а какой — лишний? Если драка не на жизнь, а на смерть?

Звонит телефон.

Ленин снимает трубку.

— Слушаю... Да... Здравствуйте. Простите, Алексей Максимович, — он говорит, прикрывая трубку ладонью. — Да, продолжайте...

Ленин слушает необыкновенно внимательно, склонив голову набок, слегка прищурившись.

— Нет, нет! Его посылать нельзя! — вдруг резко, очевидно, перебивая, говорит он и тут же вскакивает голову к двери. — В чем дело?

В двери стоит Бобылев, рабочий секретаря Сталина.

— Пришел Коробов. Вы его вызывали?

— Да, просите, пожалуйста... Алексей Максимович, вы не уходите. Это старый петровский пролетарий, чудесный, беспокойный человек... (В трубку) Да, так я говорю — его посылать нельзя. Прежде всего он решительно не умеет никого слушать, а только поучает. Кроме того, он убежден, что умнее всех. Какой же это руководитель? (Входящему Коробову). Выходите, Степан Иванович, здравствуйте, знакомьтесь!

Коробов, невысокий, сухой старик, с живыми, умными глазами, быстро подходит к Горькому.

— Товарищ Максим Горький! Очень приятно познакомиться.

— Мы с вами встречались? — говорит Горький, пожмая Коробову руку.

— К сожалению, нет. Я вас так узнал. Вас далеко видеть.

Ильич слушает, перевола вселый, довольный взгляд с Горького на Коробова, продолжает разговор по телефону.

— Вот это другое дело. Теперь вот что. Я прошу вас взять у меня проект об установлении классового пайка. О чем? О заградительных отрядах? Дайте, — это нужно сделать срочно. Хорошо. До свидания.

Кладет трубку.

— Ну, рассказывайте, — говорит он, всем телом поворачиваясь к Коробову. — У вас всегда что-нибудь очень интересное...

— Вот что, Владимир Ильич, побывал я в деревне, — начинает Коробов. — Положение, скажу я, действительно, интересное!

Он говорит страстно и живо, с трудом удерживая на месте, все время порывавая вскачь.

— Кулацкие, Владимир Ильич, остервенело. Войной пошло! Топоры, винтовки! Пулеметы даже!

Ленин слушает внимательно, ладонь приложила к уху. Глаза его сверкают улыбкой удовольствия. Коробов говорит то самое, что ему важно и нужно.

— Так... так, — притворяется он. — А как с хлебом?

— Хлеб есть! Точно, по нашим словам. Но у кого хлеб? У тех же мироедов. Ну, и, конечно, дело, нам не дадут! Везут в город и по 200 рублей пух спелу лируют. На каждое две рабочие слово у них про запас двести граммов. Белота и голоду пухнет, смерть пошла косять. В Питере у нас, да и тут у вас, в Москве, ни одно дитя досыта не наедается... а хлеб есть, хлеба в России хватает... вот какое положение, Владимир Ильич...

— Так!

Хотя Коробов не сообщает ничего веселого, на лице Ленина написано почти удовольствие, настолько ему нравятся, что Коробов говорит именно то, важное, что он от него ждал.

— Вот дела, Владимир Ильич! Если мы деревне не поможем, — извините меня, — не бывать советской власти!

— Конечно, конечно! Они вам покажут — кулаки! — подхватывает Ильич.

— Чего же вы смеетесь, Владимир Ильич? Вам ведь тоже полагает.

— Ну уж разумеется! Так что же, по вашему, делать?

— Если середняка к себе перетягивать — тогда не устоит.

Коробов вскакивает.

— Ни в какую не устоит! Дайте нам оружие да хорошее благословение, чтоб с кулаками нянькаться поменьше. Будет и хлеб, будет и советская власть! Коробов порывисто садится.

— Верно, Степан Иванович, — говорит Ленин, перестав улыбаться. — Вы оценили политическое положение абсолютно правильно, и выводы ваши верны. Мысль о массовом походе рабочих в деревню — мысль замечательная. И мы ее обязательно, немедленно осуществим. Вы когда в Питер?

— Сегодня же.

— Очень кстати. Я вам приготовлю письмо к товарищам питерским рабочим, возьмите его с собой. И давайте действовать не медля. Хорошо?

— Давайте, Владимир Ильич.

Коробов встает.

— Подождите, у меня к вам есть еще один вопрос. — Ильич чуть заметно покорился на Горького. — Как вы смотрите: как нам поступать с врагами?

— То есть — как?.. Простите, не понимаю, — тревожно говорит Коробов, очевидно, действительно не понимая, почему его спрашивает об этом Ильич. — Врагов надо быть, так, кажется?

— Но как быть? Словом, убежденным, или силой?

— Выносите, какое же может быть убеждение?! — растерянно говорит Коробов, оглядываясь на Горького и как бы ища у него поддержки. — Ты мое слово, а от тебя за горло клямыка. Этак все революцию прохлопаем.

— Ну, да, — Ленин отворачивается, скрывая лукавое сверканье глаз. — А могут ведь и так сказать, что наша социалистическая революция обязана быть с самой гуманной, человеческой и что человечность эта должна в том заключаться, чтобы ни на кого не поднимать руку?

— На асеров? На саботажников? На кулаков?.. Не поднимать руку?! Полагать, да так по голове треснуть... душа из них вон! Так, кажется?

— Видите ли, — упорно продолжает Ленин, — говорят, что наряду с необходимой жестокостью мы иногда проявляем жестокость лишнюю. Ведь вот что говорит...

— Владимир Ильич! — всерьез рассердившись, вскрикивает Коробов. — Да что это с вами сегодня? Вы что, нарочно что ли?.. Это у кого лишняя жестокость? У нас? Да вы посмотрите, что кривое делается! Ведь под нами земля горит!.. Сотни лет рекой лилась рабочая кровь! А теперь полагаете, какое-нибудь... какую-нибудь дрянь, чтобы все ашаш со всех сторон!.. Да что далеко ходить — вот товарищ Горький, он спрашивает. Он это хорошо понимает. Он влопозд хлебнул прежней горькой жизни. Спросите-ка его.

Горький кивкает, покусывает ус.

Ильич, не выдержав, начинает громко смеяться. Он смеется своим удивительным смехом, запрокидываясь на стуле и покачиваясь.

Коробов в недоумении останавливается.

— Что это вы, Владимир Ильич, а не так сказал что-нибудь?

— Нет, нет, Степан Иванович. Вы... вы все абсолютно верно говорите... Но я тут раньше с одним товарищем разговаривал... и вот вспомнил...

Ильич хохочет, вытирает слезу и вдруг, перестав смеяться, поднимает на Коробова ясный взгляд.

— Да, Степан Иванович, да... жестокость нашей жизни, вынужденная условиями жестокости, будет понята и оправдана. Все будет понята. Все.

Звонит телефон. Ильич снимает трубку.

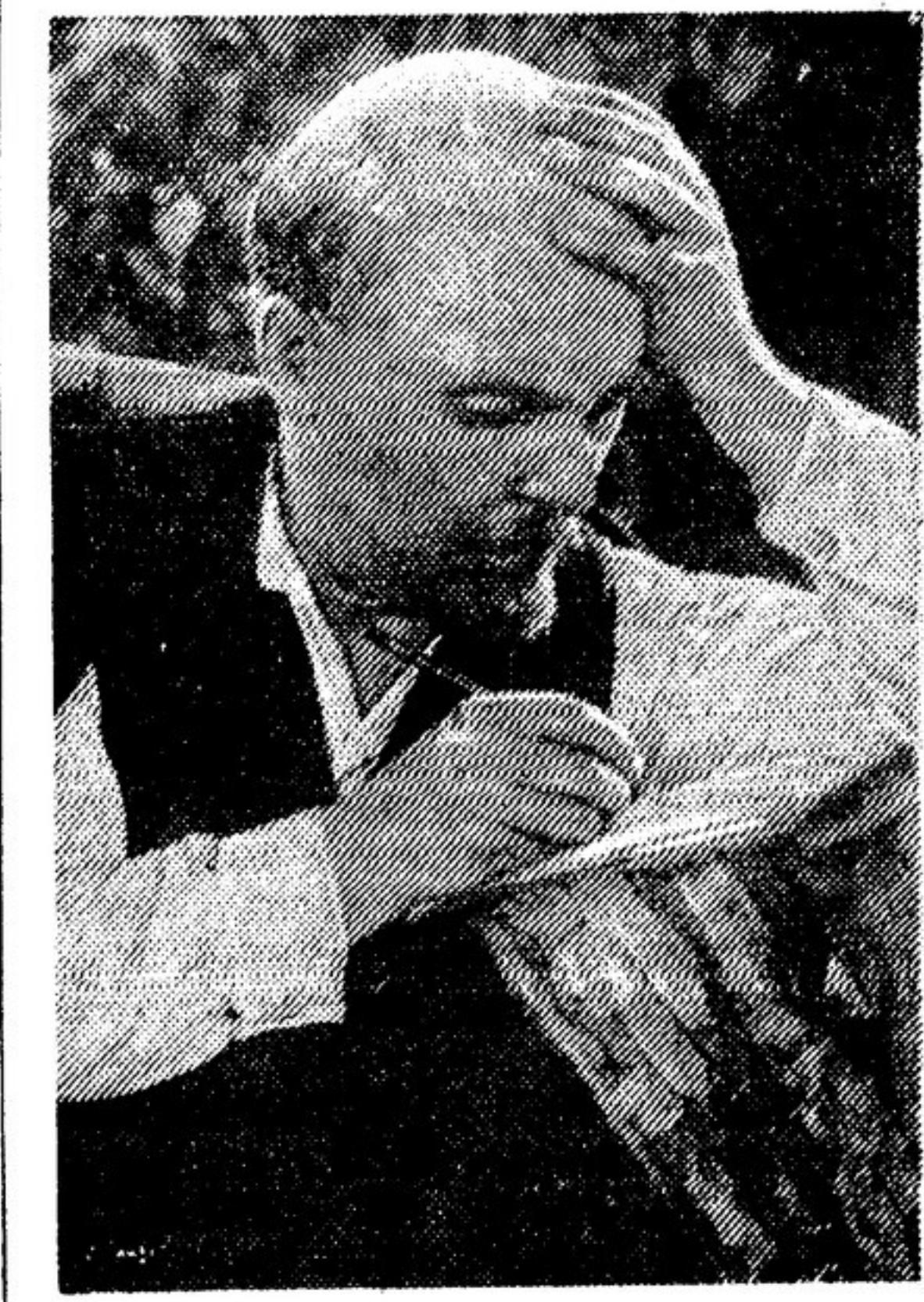
— Я слушаю... Подождите, пожалуйста, минуточку... Все будет понята... — повторяет он, прикрывая трубку рукой.

— Ну, пожалуйста, все хорошего. Вы еще зайдите перед отъездом?

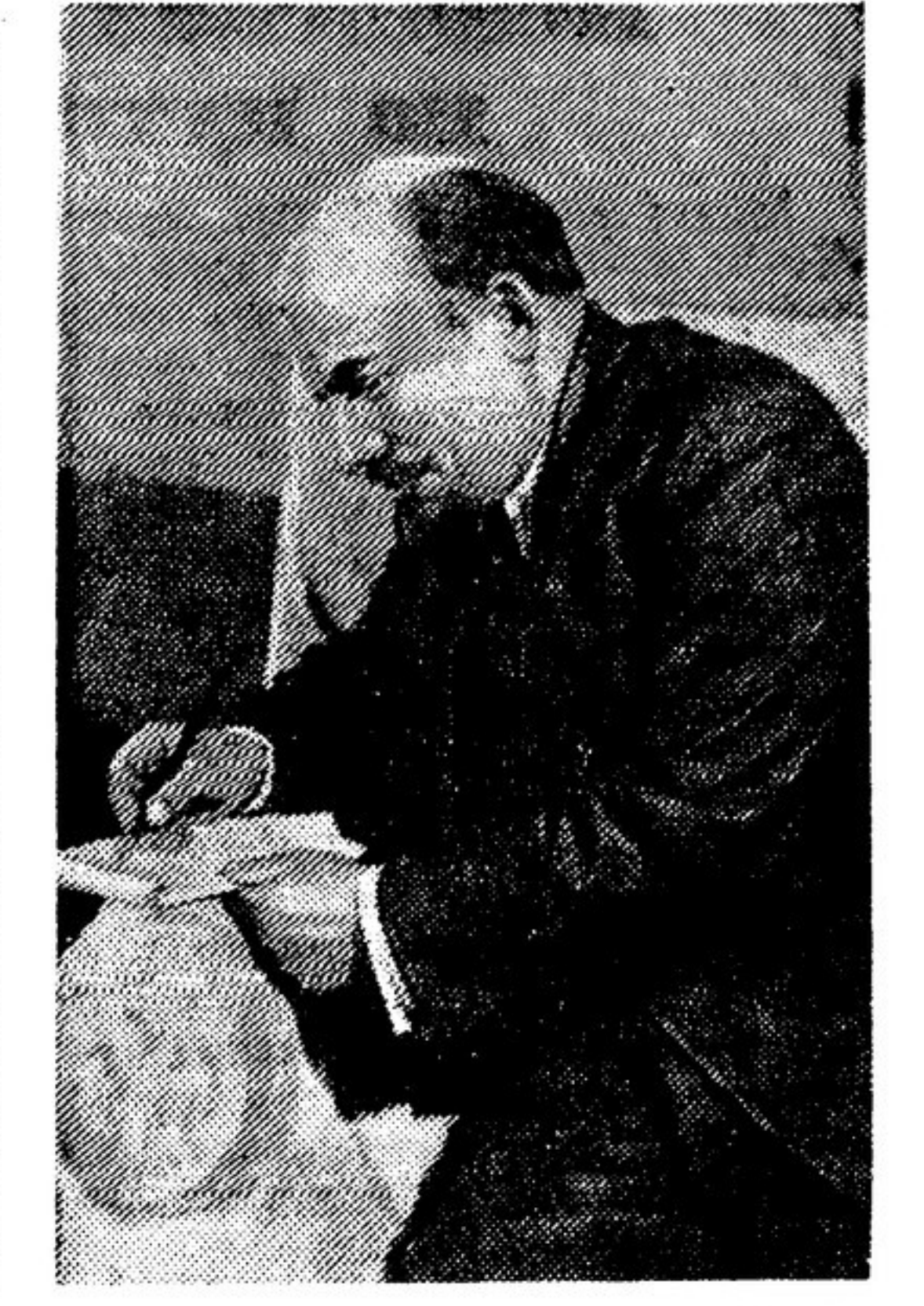
Прощается с Коробовым. Горький встает. — Алексей Максимович, не обижаетесь?

— Не обижаясь.

— Вы непременно заходите ко мне, как будете снова в Москве.

Артист К. Мюффике в фильме «Великое Звездо». Производство Тбилисской киностудии.

Заслуженный артист УССР М. М. Крущынский в пьесе «Правда» А. Корнеевского. Театр имени Шевченко. Харьков.

С. НАГОРНЫЙ

Рождение чувства

Есть актеры, внешность которых выдает их профессию. Это люди большого роста, с выразительными, свободными жестами; они выделяются в толпе — голосом, осанкой, манерой говорить. Их узнают на улицах:

— Вот — актер!..

Он был мал ростом, неказист. Скромный человек, он был похож на часовщика или математика.

Почти тридцать лет прожил на сцене, он постоянно играл роли зависимых людей. Не приходилось ему на сцене приказывать, руководить, вести людей за собой; никогда он не был ни командующим армией, ни орденосным-стаханком, ни даже главой семьи. Стучилось так, что все, кого он играл, были людьми подчиненными, рядовыми, ведомыми, а не ведущими.

В зрительном зале вызывал разные чувства — жалость, раздражение, симпатию, но порой и презрение... Но не было случая, чтобы зритель восхищался им, желал порадовать его воле, ум, прозорливости. Никакого не играл он героев.

Я рассказывала истинную историю актера одного небольшого театра, актера, которому все же однажды поручили исполнить роль Ленина.

Он знал, что нужно определить внутренние качества человека, которого хочется сыграть. Он стал думать о Ленине.

Он знал, что целью существования была для Ленина социалистическая революция и, читая книги Ленина, понял, что эта цель была единственной и всепоглощающей.

Посвятив много времени разглядыванию фотографий, на которых был изображен Ленин, он по-актерски, профессионально, расшифровал значение ленинских жестов, улыбок, положений тела, выражения глаз. Он обнаружил черты характера, которые говорили о железной воле, о постоянной неустремленности, о необычайной силе темперамента.

То же он узнавал из мемуаров и устных воспоминаний.

Чем больше он читал, гляделся, думал, тем меньше у него становилось уверенности в себе, в своей способности сыграть Ленина. Опытный актер, он знал, что создаст правдивый образ лишь тогда, когда найдет в себе самом, в глубине собственной души, качества, хотя бы зачаточные и неразвитые, но все же подобные тем, которые свойственным были характеру Ильича. Нашел их в себе, нужно было вызвать эти качества на поверхность и ими жить на сцене. Тогда можно будет «вести себя», как Ленин, а не представлять его.

Как раз представлять — подражать движениям Ленина, его голосу, походке, манере разговаривать — этому он научился сравнительно легко. Парик и густозащипанные брови, то чего он не мог сделать с неизмеримо более важным — со своим актерским самозащипыванием.

Все было правильно в том, как он играл роль. Шли непрерывные репетиции в театре. Все — и актеры, и режиссеры, и музыканты, и рабочие сцены — были очень довольны, горячо переживая репетиции подготовки этого спектакля. Некоторые традиции театрального быта на этот раз оказались непригодными. Стали считать нормальными, если, например, какой-нибудь старик-билетер давал совет, как играть Ленина. Актер заметил, что люди, никогда Ленина не видевшие, имеют о нем совершенно законченное, быть может не точное, но свое представление. Это давало основание своим разнообразным людям высказываться о голосе, об отдельных жестках и интонациях Ленина так, словно они его много раз наблюдали в жизни. Казалось бы их свидетельства не следовало принимать во внимание, но актер понял, что в народе живет образ воля революции, что он правдив и верен. Актер понял, что нужно сыграть именно такого Ленина, которого создал семидесятилетний народ своей гениальной проницательностью и художественным воображением.

Он еще больше испугался актера. Он почувствовал необычайную ответственность, с которой нельзя было и сравнить то, что обычно чувство тревоги, которым бывает охвачен исполнитель новой роли.

И вот срок пришел. Из столицы приехала комиссия. На пробный спектакль пригласили несколько десятков человек лучших людей города, представителей общественности, печати. В пьесе Ленин изображался только в нескольких эпизодах. Но естественно, судьба спектакля зависела от того, как пройдет этот образ.

Актер перед спектаклем туман о человеке, которого он должен был сыграть. Он вновь и вновь бросал себя в тот водоворот событий, страстей, устремлений, которыми жил воля, когда на Смольном напавшая своей волей окружающие и созидательные удары революции. Сотни раз он спрашивал себя: «Если бы я всю жизнь отдал для того, чтобы этот день наступил, если бы я видел больше других людей (и между прочим, то, что пришло для других,

для актера имя рек лишь сейчас, недавно), если бы я знал пути и сроки, как знал он — что бы стал я делать? Как бы я приказывал, выпрашивал, смотрел на людей, толпачился в коридорах Смольного? Как бы я внутренне торжествовал? Как ненавидел бы врагов и их союзников?..»

Он не репетировал перед спектаклем жестов, интонаций, поворотов головы и наклона корпуса. Он искал в себе главное — тех чувств и страстей, которые свойственны именно человеку в данных обстоятельствах. Казалось, все хорошо...

Но на пробном спектакле он провалился. Когда он вышел на сцену, прошел по ней — все восхищались! Недаром, значит, он потратил много часов на подражание походке Ленина. Он делал это ночью, на пустых улицах. Он заговорил — его голос, высокий и слегка приглушенный, с совершенной точностью передавал настроение, свойственное Ильичу. В его игре нельзя было ни к чему придраться. Она была тонкая, безошибочна, но она разочаровывала зрителей. Стучилось самое страшное: он упустил какую-то неуловимую черту, без которой образ Ленина неприемлем. Его игра оставалась зрителя холодным, она удовлетворяла любопытство, но не воодушевляла. Он почувствовал это, как может почувствовать только артист, изучивший постоянного обмена переживаниями со зрительным залом. И поэтому он не удивился, когда ему сказали, что спектакль признан неудачным. Он был потрясен. Идя из театра домой, он не раздеваясь, пролежал всю ночь на своем старом диване, на котором он обычно отдыхал после дневных репетиций, перед спектаклем. Только утром он стал думать, искать причины своей страшной неудачи. День он провел, как обычно, только выключил телефон, чтобы не пришлось выслушивать дружеских соболезнований и советов. Он знал, что обещания, если оно возможно, должно отыскаться в нем самом.

И вот он стал переосмысливать заново все пути, которыми шел к роли. Ему хотелось сыграть Ленина-воля, руководящего массами, и в то же время всеми поминками, действиями и чувствами в эти дни массами связанного. Он не превеличал своих возможностей, знал, что его работа лишь часть того огромного труда, который предстоит целому поколению актеров. Но такой неудачи он не ждал. Недаром же в эту роль он вложил весь свой талант и опыт...

В течение этого дня он делал снова все то, что делал почти полгода. Читал статьи Ленина, Разбирал газетные вырезки с воспоминаниями об Ильиче. Разглядывал фотографии. И — в тысячный раз — вдумывался в слова «Горного орла», как назвал Ленина товарищ Сталин.

Вечером по театру разнеслась удивительная весть. Было объявлено, что утром состоится, по просьбе актера, играющего Ленина, повторение пробного спектакля. Директор рассказывал:

— Звонит, понимаете, не дает поздравиться, кричит: «Я нашел! Я нашел!» А что нашел?..

Зрители не узнали спектакля, который видели только за день до этого. Я пишу не репетицию, и на мой взгляд, как впрочем на взгляд всех, кто создал в своем сознании собственное, дорогое сердцу, представление о Ленине, — образ воля и на сей раз не был в спектакле совершенным. Но он был живым, правдивым, впускающим горячее восхищение и гордость. С внешней стороны актер делал, казалось, все то же, что он делал и раньше. Он так же партиял, вскидывал голову, закалывал пальцы за вырез жилета. Но что-то в темпе, в тембре голоса было уже иным, что-то в улыбке, в выражении глаз было новым. Это неуловимое нечто заставляло зрителей волноваться, смотреть совсем не так, как в первый раз, видеть не горшки — в самом большом смысле этого имени...

Прошло несколько месяцев. Успех спектакля был бесспорен. Как-то я встретил актера и спросил его — что он нашел тогда, чем спаз своим роль и спектакль?

— Видите ли, — сказал он, — Ленин был невелик ростом, я же, пытавшийся играть его, был невзрачен. Я говорю о внутреннем состоянии актера, которое за него зритель в большей степени, чем об его самом. Казалось, что я душевно робок. С этим свойством своей натурой я играл в первый раз, сам не понимая этого. Как получилось, вы знаете. Но потом, отчаянным напряжением сознания я увидел это. Я понял свою слабость и получил было, что не гожеус. К счастью, оказалось не так. Мне нужна была смелость, и я нашел ее в себе. Недаром шесть месяцев я жил Лениным. Это, знаете-ли, воспринималось. Это в моем характере образовалась черта смелости. Вот и все... Может быть, с этого дня началась вторая, лучшая часть моей жизни.

С. БОНДАРИН

ЖЕЛАНИЕ ПРЕКРАСНОГО

Страницы из записной книжки

Я вижу, что люди, призванные вспомнить о естественной эстетической оценке произведения, нередко сами забывают это дело.

Трогательная непосредственность художественного вкуса, какую, как я понимаю, выразил В. И. Ленин. Непосредственность эта в устах величайшего революционера много говорит о природе художественного произведения и о чувстве прекрасного.

Легко понять, за что любил Ленин Бетховена и в особенности его «Аппассионату». Изумительная, печеловеческая музыка, — говорил Ленин об этой бетховенской сонате. — Я всегда с гордостью, может быть, наивной, думаю: вот какие чудеса могут делать люди!

Сообщая эти слова Владимира Ильича, М. Горький вспоминает и другие его слова: «Но часто слушать музыку не могу, действует на нервы, хочется мыльные глупости говорить и гладить по головкам людей, которые, живя в грязном аду, могут создать такую красоту...»

Поразительно, однако, не чувство к Бетховену, а отношение Ленина к другим, менее примечательным произведениям искусства: бросается в глаза постоянно этого непосредственного чувства, ожидание художественного наслаждения от всего того, что удавалось слушать, смотреть, читать Владимиру Ильичу.

Клара Петкина передает свою беседу с Владимиром Ильичом об искусстве, прощении и воспитании. Одно замечание Владимира Ильича особенно привлекает: «Я не в силах считать произведения экс-

прессионизма, футуризма, кубизма и прочих «измов» высшим проявлением художественного гения. Я их не понимаю. Я не испытываю от них никакой радости».

Желание радости от произведения искусства; в этом и кроется характер эстетического чувства?

В той же беседе Владимир Ильич сказал: «Красиво нужно сохранить, взять его как образец, исходить из него, даже если оно «старое». Почему нам нужно отворачиваться от истинно-прекрасного, откариваться от него, как от ископаемого пункта для дальнейшего развития, только на том основании, что оно «старое»? И дальше: «Что касается зрелищ, — пусть их! — не возражаю. Но пусть при этом не забывают, что зрелища — это не настоящее большое искусство, а скорее более или менее красивое развлечение...»

Правое, наши рабочие и крестьяне заслуживают чего-то большего, чем зрелищ. Они получили право на настоящее великое искусство».

Но больше всего волнует меня рассказ Надежды Константиновны Круцкой о встрече Владимира Ильича с Монтегюсом и о том, как Ленин увлекся однажды песней французской-уборщицы.

«Сын коммунара, Монтегюс был любимцем рабочих окраин. Правда, в его импровизированных песнях — всегда с яркой бытовой окраской — не было определенной какой-нибудь идеологии, но было много искреннего увлечения. Ильич часто пел его и пелет 17-му полку, откариваясь стрелять в стачечников...» (Припев, привел вам, солдаты 17-го полка).

Впоследствии, когда разразилась война, этот Монтегюс оказался в лагере военнопленных. Как умел, однако, чувствовать Владимир Ильич прелесть песни, как умел он найти близкое революционеру и в песне, где подлинная революционность перемешивалась с мелкобуржуазной сентиментальностью.

Не буква песни, а ее дух, поэзия волновали, видимо, Владимира Ильича.

«К нам приходила на пару часов французская-уборщица, — вспоминает дальше Надежда Константиновна. — Ильич услышал однажды, как она напевала песню. Это — националистическая альпийская песня. Ильич попросил уборщицу пропеть ее и сказать слова, и потом нередко сам пел ее. Кончалась она словами:

Испанская интеллигенция на путях к Ленину

За два с половиной года героической борьбы испанского народа передовая интеллигенция Испании прошла огромный путь. В процессе этой борьбы окончательно закрепился ее союз с народом. Создалась новая интеллигенция, объединившая всех лучших людей страны. Война с мятежниками и их германо-итальянскими хозяевами была для них прекрасной боевой школой. Новой испанской интеллигенции венажны колебания и сомнения, столь характерные для представителей поколения 1898 и начала 1930 года, его «эстетический анархизм», непротывление злу, отказ от участия в политической жизни страны, презрительное отношение к массам, к «улице». Испанская интеллигенция народного фронта по-новому освоила великое культурное наследие предков — Лопе, Сервантеса, Кевело, Веласкеса, Эль-Грехо, Гойи. Она приняла активное участие в огромной созидательной работе, проделанной республиканским правительством в области культуры, Мадридский «Альянс антифашистской интеллигенции», Дом культуры в Валенсии, школы на фронте и в тылу, так называемые «культурные миссии», пышный расцвет литературы и искусства — все это показывает, какой плодотворной стала деятельность передовой испанской интеллигенции в союзе с народом. Испанский интеллигент навсегда простился с теми «башнями из слоновой кости», в которые он прежде себя заключал; перед ним сейчас широко раскрыты двери в лучшую, более счастливую жизнь.

Передовая испанская интеллигенция всегда имела перед собой великий пример — родину трудящихся, Советский Союз. На одном из пленумов ЦК компартии Испании в 1937 г. министр народного просвещения и член Политбюро Хесус Франкес говорил:

«Будущее нашего народа не должно вынуждать опасений работникам умственного труда. Только ила рука об руку с народом, они получают возможность свободного развития человеческого разума».

«Взгляните на пример Советского Союза».

«В стране социализма культура всеобъемлюща по своей глубине и по ширине охвата. Перед всеми людьми этого нового общества широко открыты двери культуры. Все его граждане имеют от рождения право свободно, без малейших ограничений выбирать свою специальность. Советская культура — достояние всех людей, составляющих социалистическую семью. Искусство, литература, театр, кино, все проявления художественной мысли служат тем, кто работает, кто творит. Наука и искусство являются сейчас в Советском Союзе осязаемым фактом. Никто и ничто не препятствует их развитию. Более того, все члены общества стимулируют их рост и содействуют ему. Перед писателем, художником или музыкантом открыто широкое поле деятельности, так же, как перед врачом, химиком или инженером».

«Вместе с экономической независимостью они приобрели и независимость художественную, творческую».

Советский Союз — его творческая жизнь, его культура — всегда были путеводной звездой для передовой испанской интеллигенции. Ее духовный рост неразрывно связан с именами Ленина и Сталина.

Хулио Альварес-дель-Вайо, один из самых старых друзей Советского Союза в Испании, рассказал испанским интеллигентам о Ленине.

Первая революционная поэма в испанской литературе — «Приветствие Красной Армии» — зародилась на Красной площади в декабре 1932 г. Ее автор, Рафаэль Альберти, ночью, в метель, встретился с отрядом красноармейцев, шедших с песней. Эта встреча, произошедшая на Альберти такое впечатление, что он посетил его поэму.

«Ленин, Ленин! — восклицает Альберти, описывая посещение мавзолея. — О тебе говорят поэмы и легенды, о тебе поют и в Средней Азии узбеки, таджики и туркмены, и в горах Кавказа, где живут осетины и кумыки! Авторами этих песен и поэм являются рабоды, слепые и неграмотные. Они пользуются почетом у кре-

стьянства и бродячих племен... За гостеприимную встречу они платят песнями... Ленин! Может быть, в длинной веренице людей, ожидающих сегодня доступа в твой мавзолей, стоит новый «Гафиз» из числа тех, кто прославляет твои имя по дорогам и в первых холмах Востока...»

Вернувшись в Испанию в начале 1933 года, Рафаэль Альберти и Мария Тереса Леон образовали группу передовых писателей и художников, назвавшую себя «Октябре» («Октябрь»). В номере 4—5 «Октябре» (посвященном XVI годовщине Октябрьской революции) были опубликованы результаты анкеты, проведенной среди читателей. Выяснилось, что передовая Испания больше всего читает книги Ленина.

В ноябре 1933 г., на выборах в кортесы, передовая испанская интеллигенция выдвинула лозунг: «К социальной революции, к Ленину». Среди многочисленных предвыборных плакатов один привлекал к себе особое внимание. Это был портрет трех вождей, гениев человечества — Маркса, Ленина, Сталина. Портрет этот, исполненный революционными художниками из группы «Октябрь», был выставлен на одной из мадридских площадей. Спешение народа у этого плаката было так велико, что, несмотря на некоторую видимость предвыборной свободы, власти направили на площадь отряды полиции.

В те же ноябрьские дни 1933 г. валенсийский поэт Пля-и-Бельтран написал стихи «Испанские дети о Ленине»:

Слушай, о чем нами дети
Утром, сойдясь, поют:
«Ленин всех лучше на свете,
Гавного лет ему».
«Дышит январь морозом,
Убран претаме апрель,
Ленин пришел вместе с розой,
Ленин ушел в метель...»
«Просто одетый, с другими
Лыжью ты шел простой;
Пусть же гремит твои имя,
Ленин, над всей землей».

Пожелание поэта исполнилось. Имена Ленина—Сталина прогремели и в первых боях испанского народа. С этими именами на устах шли в бой дружинники в Астурии и Барселоне.

Когда в феврале 1936 г. народный фронт победил на выборах черные силы испанской реакции, он принял к победе, вдохновленный именами Ленина—Сталина. Вот отрывок из стихотворения Рафаэля Альберти, посвященного передаче центральному комитету компартии Испании эмблемы от районного комитета Севальи и ЦК испанской молодежи:

О, андалузская река,
Рождалась в снежной колдобе,
Ты с гор бежишь к далекой цели,
Твой путь встречают облака,
Твой голос ветно неизменен,
И имя горное одно
В твоих волнах повторено.
Мы знаем: это имя — Ленин.

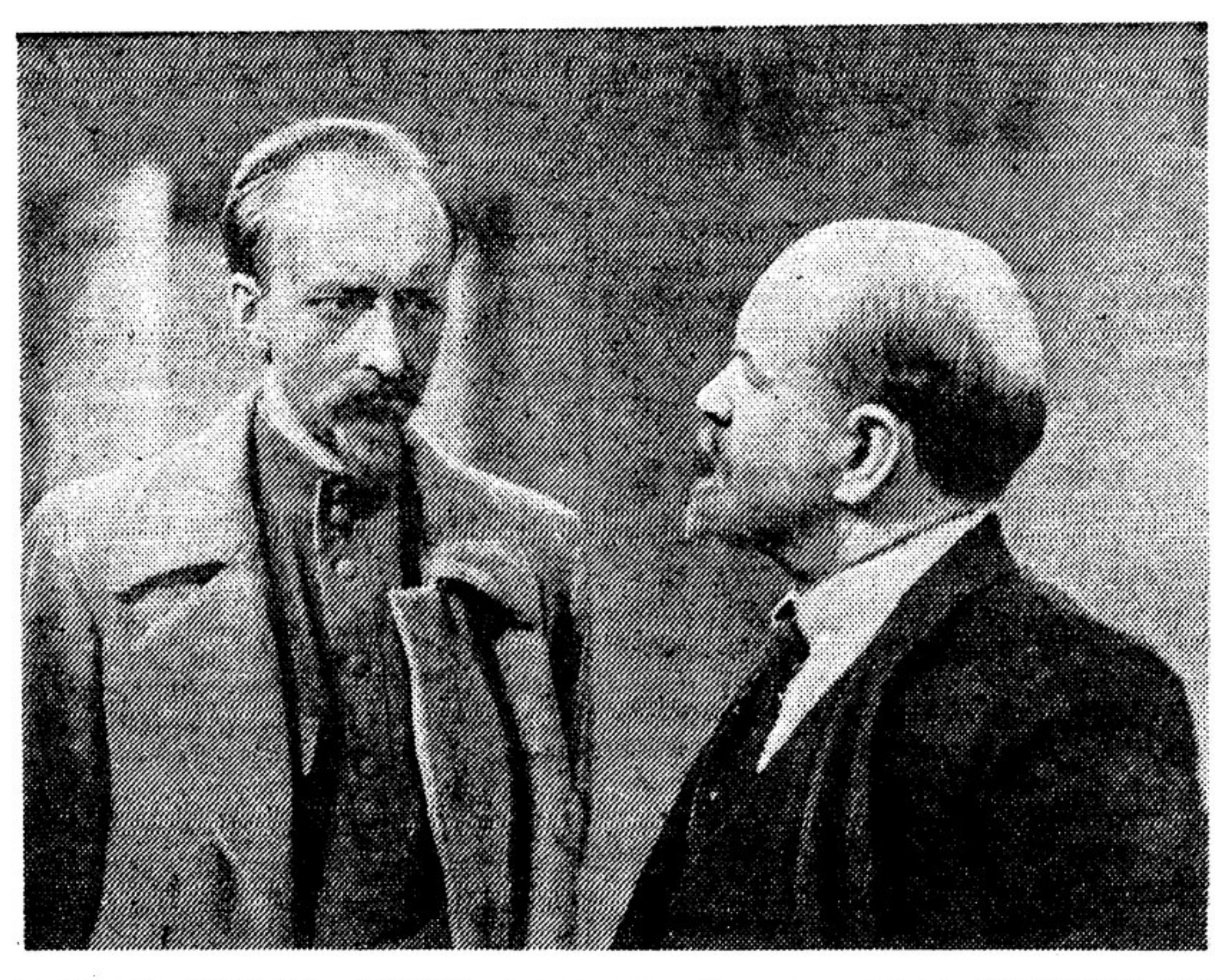
Вместе с бойцами народных дружин передовая испанская интеллигенция может сказать о себе словами песни композитора Рамоса:

Мы идем боевом тропом,
Как учитель наш Ленин велел...
Передовая испанская интеллигенция продолжает идти этой боевой тропой и по сей день.

Нам хотелось бы закончить эту статью словами замечательного поэта старшего поколения и одного из лучших испанских интеллигентов, Антонио Мачадо, написанными им во вторую годовщину героической борьбы испанского народа:

«К концу второго года войны мы подтверждаем, что верим в победу. В свете этой войны многие из нас, любящие СССР, ясно видят великий творческий труд его народов. Не только из чувства благодарности к благородной и бескорыстной помощи, которую оказывает нам Советский Союз, но также и потому, что он этого заслуживает, обращаем мы наши взоры к СССР — это мощный, яркий маяк, освещающий будущее мира».

Товарищ Сталин! В день второй годовщины испанской войны испанцы приветствуют тебя!».

КАДР ИЗ ФИЛЬМА «ЛЕНИН» (вторая серия) производства киностудии «Мосфильм». Постановка режиссера-орденоносца М. Ромм. На снимке: народный артист СССР Б. В. Щукин (В. И. Ленин), артист В. П. Марков (Ф. Э. Дзержинский).

Л. ПЕРВОМАЙСКИЙ БАЛЛАДА ЧАСОВЫХ

ОТРЫВОК

Века застыли в эти дни
И видели: костры пылали
На Красной площади. Гремели
Сердца, как будто динамит
Зврывался, нависали тучи
Над скорбным гробом. И текли
Минуты—дни. Часы—как годы.
И делегаты всех народов
Текли по руслу всей страны,
По всем дорогам. И недвижно
Остановился ход времен,
И обожгло глаза печально
Москве, Украине. Шла тоска
По Белоруссии. Кавказ
Многоязычный говор горя
Вознес к вершинам снежных гор.

В тайге упал столетний кедр.
Над Мурманом сияние ночи
Венок пылало. Исполком
Интернационала заседад,
Политбюро в почетном карауле
Стояло. А в сердцах врагов
Горела радость, пряталась измена.
Не время часовой дремать —
Счас метели вместе ждаты.
И все, что мы прошили,
И все события века,
Что отошли в былые, стерегли
Последний путь вожда и человека.

Перевел с украинского
Н. БРАВН.

П. МАРКИШ

Ленинским путем к вершинам гуманизма

Писатели, соприкасавшиеся в своем повседневном труде со всеми проявлениями человеческого бытия и сознания, должны быть оруженосцами учения передовых мыслителей эпохи и выразителями идей современности в художественной литературе.

На долю советского писателя выпало величайшее счастье быть современником великих вождей революции — Ленина и Сталина, обновивших мир и двигающих человечество к новым формам жизни и творчества. Отсюда — непреодолимое стремление писателя воплотить в художественных образах идеи, жизнь и подвиги этих замечательных вождей народа.

Понятно, почему так громко звучит слово писателя в нашей стране и за ее пределами. Советский писатель — активный участник превращения великой, передовой идеи коммунизма в материальную силу, в достояние всего человечества. И потому великое учение Ленина—Сталина должно быть нами постигнуто глубоко, вдохновенно, так же, как нами постигали природа, художественное раскрытие которой для нас больше немислимо вне этого учения.

Партия, революция учат нас по-новому понимать историю человечества, историю нашей родины, историю народов нашего Союза.

На днях Михаил Иванович Калинин сказал: «Ведь марксизм-ленинизм — это ключ, который дает возможность решить тот или другой вопрос. Он только дает возможность, а не решает, дает возможность более правильно подойти к решению вопроса».

Решать в художественной литературе должны мы сами, но осмысливать, строить, направлять наше решение нельзя без глубокого понимания идеи учения, которому мы все служим.

Марксизмо-ленинское учение дает нам ключ к новому пониманию Шекспира, Мольера, Пушкина, Толстого и Горького, помогает по-новому увидеть историю человечества и воспринять мировую культуру.

С высот этого учения мне по-новому стала понятна судьба моего народа, который в годы тяжелых испытаний уверенно и настойчиво продолжал свой путь к неиссякаемой верой в торжество справедливости. И в нашей стране он нашел, наконец, эту торжествующую правду.

Марксизмо-ленинская теория учит нас понимать и художественно показывать формирование нового, социалистического человека, диспропортуемого всей своей жизнью установившиеся вековые нормы, представления о Человеке. И мы понимаем, как преодолеваются противоречия между человеком и обществом, как осознается единство человека со своим социалистическим коллективом.

Задача советского писателя — художественно показать, как человек поднимается на вершины полнотного гуманизма, при котором скорбь коллектива переживается как глубоко личная скорбь, а торжество коллектива становится личной радостью.

Ленин—совесть писателя

Когда пять лет назад я написал свою повесть о времени, критика оценила ее как новый жанр советской драматургии, как своеобразную «философскую комедию». Повесть была действительно очень своеобразной, но никто лучше меня не знал, как много незадуманного было в этом лезном для драматурга приговоре. Настолько далеки еще все мы от философского разрешения темы! И тогда с еще большей ясностью я понял, как необходимо писателю овладение марксизмо-ленинской теорией.

Правда, диалектический материализм и Ленина я изучал еще задолго до «Часовых» — этой по счету второй философской моей повести. Но теперь, когда «Часовщик и курица» стала известной многим тысячам советских зрителей, я почувствовал, что не смею браться за проблемные повести, не продумав до глубочайших основ великие мысли Ленина. Его книга «Материализм и эмпириокритицизм» стала моей настольной книгой, прежде, чем я решился взяться за разработку своей третьей

темы — о пространстве, в новой повести «Пойдем — не вернемся».

И до сих пор помню (это было уже в 1935 году), с каким трепетным смущением прислушивался я чуть не на каждой странице этой сложной по своему построению повести к голосу обшей нашей совести — Ленина. А что сказал бы он о пространстве здесь? Или здесь?

Еще больше трудностей возникло передо мной в прошлом году, когда я принялся за разработку повести о реальности объективного мира. Здесь мне приходится работать в области, не легко доступной моим скромным научным знаниям. Но с тем большей радостью я прибегаю снова к безогонной ориентации на великого Ленина, на ленинско-сталинскую теорию, потому что только она способна указать верную дорогу в сложном мире современной физики, где идеалистическая философия много поработала над тем, чтобы искazać законы природы.

Киов

СЕМЕН СКЛЯРЕНКО

Славим великого Ленина

Двадцать лет назад Украину покрывали вельсичи, над селами и городами стоял дым от пожаров, вода в Днепре покраснела от бензиновой крови. На Украину шли орды немецких баронов. Бангиты — Петлюра, Винниченко и Скоропадский — огнем и мечом проходили по богатой стране, торговали этой страной оном и в розницу, продавали ее «совошникам», немцам, полякам. Как писал Шевченко:

За шмат гнилої ковбаси
У них хоч батька попроси,
то продалуть...

В эти тяжелые годы шли люди с Украины, оставляя родные города и села, шли на север, за помощью к своим братьям, к великому русскому народу.

В эти дни Шоре и Боженко, Готовский и Пархоменко ковали на Украине первые отряды для борьбы с врагами, готовили, собирали их для боя. Николай Шоре через кордоны и рогатки, минуя цепи врагов и шпиков, пробирался в Москву, в Владимиру Ильичу Ленину. Он говорит ему о страданиях порабощенной Украины, рассказывает о вельсичах и плахах, о сиротах и вдовах.

Ленин говорит Шору, что усиленная военная подготовка для серьезной войны требует не порыва, не клича, не боевого лозунга, а длительной, напряженной, упорнейшей и дисциплинированной работы в массовом масштабе.

Это была программа действий для Шоры и всех трудящихся Украины, которые ждали слова вождя. На границах Украины формируются первые регулярные полки Красной Армии, за формирование частей зорко следят Ленин и Сталин. Они дают

сокрушающий отпор тропицкам, стремящимся разрушить Бугоуский и Тарашанский полки. В тяжелые минуты этим полкам присылает снаряжение иваново-воленский военный комиссар Михаил Фрунзе, на помощь полкам идет братья с севера, им помогает весь великий русский народ... И по слову великого Ленина, по боевому приказу товарища Сталина, руководимые легендарным Шором, бесстрашным Боженко, могучим Тимофеем Черняком, полки пошли в наступление — и победили.

Вот почему сегодня мы, писатели востуей Советской Украины, волнуемся, в чувством глубочайшей любви произносим имя Владимира Ильича Ленина. Вот почему сегодня мы все чаще и чаще обращаемся в своем творчестве к истокам революции на Украине, пишем повести и романы, повести и поэмы, рассказы и песни об этих героических днях, изучаем строку за строкой произведения Владимира Ильича.

«Гибель эскадры» и «Правда», ряд произведений о легендарном нацише Шоре, повести о Котовском, Пархоменко и Тимофее Черняке, роман о Десне-реке, которую победою перешел Николай Шор... Писатели востуей Советской Украины за последние годы дали много произведений о героических днях революции, они пишут о легендарных своих героях, пишут о их подвигах и победах и тем самым славят организаторов побед трудящихся Украины, славят великих, гениальных вождей народов — товарищей Ленина и Сталина.

Киов

ПРАЗДНИК ОРДЕНОНОСНОЙ БИБЛИОТЕКИ

Двадцать пять лет назад, в 1914 году, императорская публичная библиотека отмечала свое столетие. Мы переиздали страници январских газет 1914 года. Немногие газеты, напечатанные отчеты о юбилее, указывали, что читальный зал, где происходило торжественное заседание, был наполовину пуст. Хотя, пишут газеты, «официальная Россия» на торжестве преобладала, и в толпе спонсоров и генералов в звездах и лентах лишь изредка мелькал скромный профессорский фрак, но и мушкетеров было не так уж много. В глазах «высшего света» библиотека давно утратила характер парадного учреждения, куда в знаменательные дни было принято «сезжаться для праздничной церемонии, а немногие из приглашенных на торжество читателей библиотеки чувствовали себя неловко среди важных чиновников и генералов».

15 января 1939 г. Государственная Публичная библиотека им. Салтыкова-Штерина праздновала свое 125-летие. Даже самый большой читальный зал библиотеки казался тесен, и заседание пришлось перенести в зал Филармонии. Здесь, в этом великолепном и торжественном зале, мы увидели лучших людей труда, науки, искусства города Ленина.

Много делегаций библиотек и научных учреждений братских республик.

Заседание открыл народный комиссар просвещения РСФСР т. Тюрякин, зачитавший указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении библиотеки-юбиляра орденом Трудового красного знамени. С докладом выступил директор библиотеки тов. Вольпер. Начальник библиотечного управления Наркомпроса т. Рабинович огласил постановление Совнаркома РСФСР об ознаменовании 125-летия Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Штерина.

Выступая от лица многонациональной советской литературы, представитель издательства ОГИ РСФСР Леонид Соболев сказал:

— Государственная Публичная библиотека — это не только музей исторических драгоценностей, это не только краешние бесценные книжные богатства, это — рабочий кабинет каждого гражданина СССР, в том числе и наш — советских писателей. В мире всего несколько таких библиотек, как наша орденносная Публичная библиотека. Но если там, на Западе, эти сокровищницы стоят под угрозой уничтожения, если к ним тянутся смрадные языки фашистских крестов, то наша советская сокровищница мировой мысли — в неприкосновенности занесет до будущих поколений освобожденного человечества все богатства, все сокровища.

Собрание с огромным почетом приняло приветствие вождю народов, великому другу науки товарищу Сталину, главе советского правительства товарищу Молотову, председателю Президиума Верховного Совета СССР товарищу Калинингу, руководителю ленинградских большевиков товарищу Жданову и т. Крупской.

Собрание закончилось концертом симфонического оркестра Филармонии из произведений русских композиторов. Ленинград. (От наш норр.).

ТРЕТИЙ КЛУБНЫЙ ДЕНЬ

Традиционные «дни» Московского клуба писателей начали почему-то превращаться только в «вечера». 17 января третий в сезоне клубный день московских писателей начался поздно. Члены и гости клуба стали сѣзжаться только к 9 часам вечера, хотя приглашенные билеты звандых к пяти — на вернисаж выставки художника С. Герасимова.

Поздний клубный сѣз в значительной степени нарушил порядок намеченной программы «дня», и, уплотненная во времени, она неизбежно была несколько сокращена.

Несмотря на то, что наиболее интересные из новейших картин художника отобраны в настоящее время Государственной закупочной комиссией, полотна, выставленные С. Герасимовым, и рисунки дают достаточно ясное представление о характере творчества и мастерстве этого талантливого советского художника. Особое внимание привлекают: два интереса, ушла южного города, недавно написанный пейзаж крымской деревни (масло) и очень выразительные, мастерски сделанные иллюстрации к роману М. Горького «Дело Артамоновых».

Исполнительскую часть вечера открыли лауреаты всеозонного конкурса вокалистов К. Г. Семизорова и Д. А. Гамрекали, выступление которых сопровождалось горячими аплодисментами.

В музыкальной программе принял участие также лауреат Первого всеозонного конкурса музыкантов-исполнителей Алексей Королев. Он спел несколько песен и романсов композитора Вано Мурзели. «Испанскую ролацию» Листв сыграла пианистка Дина Гольпер.

Михаил Светлов, закончивший недавнюю повесть «Сказка», прочел ее на днях на декадные сѣкши драматургов. 17 января он читал только песни и стихотворения открытые из повести. Свежие лирические песни М. Светлова были приняты очень тепло.

Много веселых минут доставило собранию своеобразное имитационное искусство Ираклия Андроникова. История литературы, И. Андроников обладает замечательным даром имитации. В. Шкловский, «представивший» его, дал высокую оценку литературным текстам И. Андроникова и его сценическому дарованию.

«Знакомость» изображаемых им людей — писателей и артистов — позволяет оценить острую наблюдательность Андроникова и большую точность подражания. Его участие в клубной программе было принято с живым интересом и удовольствием.

Вечер литературной сатиры

17 января в Концертном зале Большого театра состоялся вечер литературной сатиры. Вступительное слово к вечеру сделал Александр Безыменский. С чтением пародий, фельетонов, эпитграмм выступили А. Арго, А. Раскин и М. Соболевская, С. Швецов.

КАК ИДЕТ РАБОТА НАД УЧЕБНИКОМ «ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ СССР»

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

Главный редактор учебника «История литературы народов СССР».

В начале 1938 года по инициативе Пушкинского общества группа писателей, критиков и литературоведов начала по своим руководством работу по созданию учебника для старших классов средней школы «История литературы народов СССР». По предложению Наркомпроса РСФСР весной 1938 года заключено с авторской бригадой договор.

При содействии республиканских союз советских писателей были организованы подсобные авторские бригады в Азербайджане, Грузии, Армении и Узбекистане. Кроме того, на наш призыв откликнулись научно-исследовательские институты и отдельные научные работники Украины, Туркменской ССР, Удмуртской АССР и ряда автономных краев и областей.

Мы поставили перед собой задачу раскрыть в нашем учебнике художественные богатства литературы братских народов СССР и показать роль русской литературы, как наиболее передовой, в деле развития литературы народов СССР. Одновременно в учебнике должны быть сообщены те сведения по западноевропейским литературам, которые необходимы для лучшего понимания истории русской, грузинской и других литератур. История литературы излагается в учебнике в связи с гражданской историей и в связи с развитием культуры. Особое внимание мы уделили устному народному творчеству, которое будет дано как равноправная часть общего развития литературы наряду с литературой письменной.

Осуществление этих задач потребовало и потребует в дальнейшем от всего автор-

ского коллектива огромной по объему работы. Если история русской литературы более или менее разработана, то большая часть литературы братских народов изучена еще недостаточно. Создаваемый учебник будет вместе с тем и первым сводом истории литературы народов Советского Союза. Значение этой работы для нашей социалистической культуры не требует доказательств.

Чтобы писать главы учебника, посвященные отдельным национальным литературам, необходимо иметь научно разработанные материалы по их истории. Поскольку подобных материалов нет, авторам приходится самим производить исследовательскую работу и создавать монографии, имеющие самостоятельное научное значение.

Работа над учебником в полном объеме могла развернуться лишь с октября 1938 года, т. е. с того времени, когда заветство обеспечило необходимые условия для работы не только основной авторской бригады, но и авторских групп, создающих историю отдельных национальных литератур — украинской, грузинской, азербайджанской и т. д. Без этого создание учебника по литературе народов СССР было бы немислимо.

В течение последних трех месяцев эта работа велась в самом напряженном темпе. Трудности встретились тут — и немалые — в подборе авторов, в разработке планов и т. д. Случалось и так, что отдельные авторы и даже авторские группы, путаясь предостоянми трудностями, приостанавливали свою работу. Так было, на-

пример, с узбекской бригадой, созданной при союзе советских писателей Узбекистана под руководством Сатты Хусеинаова. Но вместе с тем сплачивался основной дружный авторский коллектив. Значительная часть материалов для учебника сейчас уже представлена. Так, в главную редакцию поступили главы по истории русской литературы XVIII века (проф. Г. А. Гукковский), часть главы о Пушкине (И. А. Оксенов), глава о народном творчестве (А. Я. Дымшиц) и материалы по ряду национальных литератур. Следует особо отметить большую помощь, которую нам оказал коллектив научных работников Института востоковедения Академии наук СССР во главе с проф. Е. Э. Бертельсом; силами этого коллектива созданы очерки по истории литератур народов Средней Азии.

Несколько отстали в выполнении взяты на себя обязательствами бригады союз советских писателей Грузии под руководством тов. Сандро Зули и Машавилии и бригада союз советских писателей Армении под руководством тов. Григорьяна.

Сейчас уже можно быть уверенным, что материалы для первой части учебника, предназначенной для VIII класса, будут готовы в черновом виде к середине марта 1939 года. Это будут только материалы для учебника, которые мне придется обработать, чтобы придать всем его главам стройность и стилистическое единство.

Мы уделяем особое внимание языку учебника. Книга должна быть написана живо и увлекательно. Хочется так напи-

сать эту книгу, чтобы она обогатила язык учащихся, чтобы в ней не было ни одного лишнего, случайного или неточного слова. На окончательную редактуру книги по, набойтся не менее двух месяцев. Следовательно, первая часть учебника может быть слана в мае 1939 года, и при достаточной оперативной работе издательства учебник будет готов к новому учебному году.

Эти сроки не являются в какой-либо степени замедленными. Было бы губительным применять и к новому учебнику достаточно скромнопротированные методы прежнего руководства Наркомпроса, когда от авторов требовали создания учебников в два-три месца. Написанные в спешке учебники неизбежно оказывались случайными по материалу и нерылыми по языку. Чтобы создать хорошую книгу, необходимо время для ее написания, для тщательного редактирования, для методической оценки и проверки совместно с педагогами-практиками.

На состоявшемся на днях совещании руководящие работники Наркомпроса РСФСР и педагоги-методисты, высказав положительные мнение о проделанной работе, подчеркнули огромное значение, которое будет иметь этот учебник, вносилый перевод в школьное преподавание литературы. Выступающие товарищи правильно указывали, что уже сейчас следует начать подготовку педагогов к преподаванию истории литературы народов СССР, выпустить соответствующие монографии, тексты и т. п. Ряд таких монографий и текстов уже имеется у нас в рукописях. Необходимо, чтобы Наркомпрос и Учебно-педагогическое издательство разрешили подготовить работу и теперь же издали для педагогов-словесников монографии, посвященные истории отдельных национальных литератур, а также сборники текстов по серии «Библиотека школьника».